

Вадим ИЗМАЙЛОВ

г. Петрозаводск

Тысячу раз брался я писать о своей поездке в США, но только вопрос знакомой, адвоката, стоит ли ехать в США изучать их правовую систему, подвиг меня довести начатое до конца. Сколько мог, я убедил её воспользоваться случаем и своими глазами увидеть, как люди, удивительно похожие на нас, россиян, и бывшие не в лучших, чем в России, условиях, смогли организовать совсем другое общество, выработать вовсе не похожее на отечественное мировоззрение. А что касается правовой системы, то поразительным образом совместить и применить на практике обывательскую, бытовую философию с высокими достижениями мировой юридической мысли.

Итак, я, простой российский милиционер, благодаря рекомендации некоммерческой организации «Проект «Гармония» в 2002 году получил приглашение посетить США в рамках проекта «Открытый мир». Меня включили в одну из восьми делегаций, отобранных по всей России из учителей, врачей, юристов, работников культуры, защиты окружающей среды, муниципальных служащих. Группы специалистов по четыре человека каждая распределялись по разным штатам США, где им предстояло окунуться в сферу профессиональной деятельнос-

ти американских коллег. В отличие от других, юристов набралось аж две группы. Тут и помощник судьи Высшего Арбитражного суда РФ, мировой судья, прокурорские работники, юрисконсульты известных российских и международных корпораций, учёный-юрист из аппарата Администрации Президента РФ. Было от чего милиционеру потеряться в компании «сильных мира сего». Общим составом мы отправлялись в Вашингтон, откуда после вводных экскурсий делегациям предстояло вылететь в места основного пребывания.

Нас встречает Вашингтон

Американская земля обдала нас горячим влажным ветром, на котором до горизонта, сколько хватало глаз, развевались звёздно-полосатые национальные флаги. «Русские»?! Таможенные полицейские, улыбаясь, раздвинули перед нами заградительный барьер. Проходите, проходите смело! Спешно забравшись в автобус, где прохлада кондиционеров избавила нас от непривычного обжигающего воздуха, едем в отель.

В холле отеля, осоловев от длительных перелётов, смены часовых поясов и удущья местного кли-

мата, мы вяло слушали первые уроки «демократии», озираясь на ожидавший нас шведский стол. Увы, американская кухня разочаровала, добавив к дискомфорту чувство перебитого голода. Раздираемые любопытством, мы тем не менее к вечеру выбрались из отеля на экскурсию. Жаркий влажный климат быстро изматывал, но сознание возможности пройтись по американской земле, может быть единственный раз в жизни, удваивало силы.

Вечерний Вашингтон куда многолюдней дневной американской столицы. Улицы и кафе кишат туристами и отдыхающими служащими. Скамейки парков, лужайки и ступени государственных учреждений оккупированы ужасными бомжами, кидающимися на прохожих с требованиями денег и проклятиями. На крыльце министерства финансов США вплотную к Белому дому спал нищий. Его покой оберегал полицейский. «Он тут ночует часто, законов США и округа Колумбия не нарушает, утром тихонько уйдёт», – объяснил страж порядка.

Стоит ветхая палатка и напротив самого Белого дома. Многие годы там живёт пожилая женщина, выражая так протест против всех президентов США. Однажды, устав от репортёров, она подала жалобу в суд, по решению которого снимать её жилище репортёрам запретили, и палатка пенсионерки никогда не попадает в теле- и фотосюжеты о Белом доме. Вблизи же выставлен полицейский пост, охраняющий право женщины свободно выражать свою волю.

Свернув из центра, мы окунаемся в безлюдье. Подворотни уводят нас в какой-то парк, на окраине которого одинокий прохожий из местных советуется не ходить за ограду: там сборища наркоманов и молодёжных банд. И это в миле от Белого дома! Возвращаемся в центр мимо станций метро, у входа в которые стоят метровые фигуры слонов и ослов, символов двух основных политических партий в США, с нарисованными на боках схемами метрополитена.

Умеренное дорожное движение прерывается воем полицейских и пожарных машин, как в голливудских фильмах. Мчатся такси, водители сплошь чернокожие и индусы. Культура вождения завидна: водители пропустят пешехода где угодно, иди хоть на красный свет. Кто-то забредает в пивной бар и восторженно сообщает остальным, что нашёл там нашу «Балтику». Хочется сфотографировать всё на память, но запас плёнки иссяк, и мы заходим в полуподвальную лавку возле Белого дома. Хозяин не глядя скидывает цену при условии платы наличными и отказа от чека.

Надолго нас не хватает. Мы добредаем до отеля, где без сил, опять же из любопытства, спускаемся в

бассейн. Вода вровень с тротуаром, через стеклянную стену мы переглядываемся с прохожими. Вскоре служащая мексиканка вежливо, но твёрдо объявляет о закрытии бассейна. Стоило торопиться: двери помещения закрывались автоматически замком с таймером.

В номере, перед тем как упасть на уютные кровати, мы заглядываем по углам. Шикарно и практично, внимания стоили и томики Библии в тумбочках. Перелистав пару страниц, мы забываемся.

Утро дарит дивным светом... Подъём ни свет ни заря, всюду надо успеть, а в Штатах время – деньги. Бизнес-традиции суровы: опоздание на пять минут компрометирует репутацию, на десять минут – представляете письменные извинения с указанием уважительных причин опоздания, на пятнадцать – получаете иск в суд с требованием оплаты работы ожидавшего персонала. Гиды сетуют, что российские делегации хлопотны именно из-за неорганизованности. Ну да мы не подводили.

Бегом в ресторан на плотный американский завтрак с неизменными хлопьями с молоком, ветчиной и яичницей, блинчиками, фруктами, соками и кофе. Всего много, обжорно, но... невкусно. Жуём, глядя на зарядку потеющих постояльцев в спортзале; нас разделяет лишь стеклянная стена.

Мчимся в Библиотеку Конгресса США, принимающую организацию, мимо Ботанического сада, одного из крупнейших в мире, знаменитого отеля Уотергейт, Колонны Линкольна, на полутораэтаметровую вершину которой до недавнего времени можно было подняться только по лестнице и только мужчинам, мемориалов Бенджамена Франклина и Авраама Линкольна. Вашингтон сразу понравился всем, скромный и уютный город, умело обставленный достопримечательностями.

Библиотека встретила плотной охраной у входа. Сразу после 11 сентября 2001 года подъезды всех федеральных зданий оборудовали металлодетекторами, рентгеновскими аппаратами, на входе несколько полицейских и сотрудников службы безопасности, жесткий «фейс-контроль». Охране позволено досмотреть любого вплоть до нижнего белья, независимо от пола. Досматривали тут же, при всех¹. Когда сняли штаны с нашего гида, было забавно, но смотреть на досмотр женщины, работника Высшего Арбитражного суда РФ, было уже не смешно, её заставили снимать даже чулки. Не знаю почему, но эта маленькая скромная женщина ещё не раз вызывала подозрение охраны федеральных зданий и аэропортов.

В залах Библиотеки нас встретили служащие Конгресса, чьи должности нас поразили: лоббисты. Изучая в своё время устройство Армии США,

я удивлялся, как оригинально в Штатах превращают человеческие пороки в достоинства системы. Вот и тогда мы познакомились с тем, как неизбежное стремление определённых групп повлиять на законодательную власть было публично признано, узаконено и поставлено в управляемые, контролируемые рамки. Выслушав лекцию и получив наставления на предстоящее знакомство с разными сферами жизни в конкретных штатах, мы отправились осматривать город при дневном свете.

Мне запомнился памятник погибшим в корейскую и вьетнамскую войны возле Мемориала А.Линкольну. На гранитных плитах высечены имена десятков тысяч солдат. Завидно, как чтят американцы своих павших граждан, а мы не то что имён, даже количества убитых и раненых в Чечне не знаем, а озвученные цифры потерь вызывают сомнение. Тропа к памятнику не зарастает, много здесь туристов, родственников и однополчан павших, это видно по запискам, которые они приклеивают возле имён на камнях.

Недалеке сувенирный киоск, доходы которого идут на уход за парком и помощь ветеранам. Любитель военной истории, я заметил лоток с военной атрибутикой США. На жилетке седого продавца был значок чрезвычайно популярной в США общественной организации «POW.MIA»². Он ветеран Вьетнама, деньги от продажи идут в фонд организации. Рад встрече с русским, подал руку, узнав, что я бывший военный, был в Чечне. Интересуется, есть ли подобный мемориал воинам – афганцам и «чеченцам» в России, и есть ли аналогичная их «POW.MIA» организация в России. К сожалению, мне нечего ответить.

Предложил бесплатное сфотографироваться в офицерской шляпе времён Гражданской войны (для всех пять долларов). Я купил знак участника боевых действий военнослужащего США. Серебряной фузеей на голубом эмалевом фоне в дубовом венке, одним из самых почётных знаков в Армии США, награждается каждый, побывавший в бою, пусть просто пролежавший под обстрелом. Ветеран объяснил, что без знака не стать ни полковником, ни даже дивизионным сержантом. Он уверен, что такой знак могут носить и я. На память подарил знак участника вьетнамской войны для ВМФ США. Тепло прощаемся, ветеран вдруг отдал мне честь, я ответил ему тем же, нарушив российские уставы³. С тех пор я всегда высматриваю того ветерана и его палатку, когда по телевидению показывают Мемориал А.Линкольна.

Находим рядом полицейский патруль. Запуганные гидами тем, что к полицейским лучше не

подходить, всё же пытаемся с ними сфотографироваться. Иду на них, поднимая руку, как школьник: «Офицер! Позвольте обратиться?» Патрульные в восторге, они с удовольствием соглашались. Исподволь оглядел их амуницию: на поясе навешано много нужного в работе, но пояса свисают от тяжести, выпуская наружу рубашки и оголяя спины, придавая офицерам не самый опрятный вид. Один интересуется, кто мы. Представляюсь, говорю, откуда приехал. Слово «Карелия» ничего патрульному не говорит, но, услышав, что это на границе с Финляндией, он внезапно смеётся и кричит мне: «Врёшь! Ты не полицейский, ты – пингвин!» Шутка всем нравится, с чувством юмора у янки всё в порядке. С географией хуже, объясняю, что пингины живут не на Севере, а на Юге (в Антарктиде). Пингины? На Юге? Смеются ещё больше.

Гейнзвилл

Основным пунктом пребывания нашей группы юристов был городок Гейнзвилл, штат Флорида (с ударением на первом слоге, как оказалось). В Соединённых Штатах девять городов с таким названием. Город назвали в честь генерала федеральной армии, пришедшего с войсками пару столетий назад в эти места, чтобы очистить их от индейцев. Гордое и непокорное племя семинолов активно сопротивлялось пришельцам, но было физически истреблено. События известного романа «Оцеола, вождь семинолов» происходили именно в данной местности и связаны с именем жестокого генерала Гейнзвилла.

Позже, во второй половине XIX столетия, через форт пролегла железная дорога, несшая в те времена немалое оживление станциям, превращая захудалые деревушки в процветающие города. Во времена Гражданской войны Гейнзвилл служил важным стратегическим пунктом армии Конфедерации. Здесь находились главные склады и арсеналы армии Юга, пролегла последняя линия обороны южан. К сожалению, раненые в большинстве умирали в скопище госпиталей от недостатка медицинского обслуживания, от сурового субтропического климата и малярии, разнородной мириадами москитов с окрестных болот.

В спокойные времена в городе основали Университет штата Флорида. Он входит в число 50 сильнейших университетов мира и в десятку лучших вузов США. Университет расположился в тихом уютном населённом пункте, в знаменитой «одноэтажной Америке». Тысяч не то 40, не то 60 коренного населения ежегодно развлекались таким

же количеством студентов, отчего численность городка оценивалась примерно за 100 000. Поразительно, но ни в мэрии, ни в полиции не знали даже примерную численность населения города. В период летних каникул город пустел, а с началом семестра, как шутили полицейские, в Гейнсвилле появлялось 40 000 наркодилеров.

Раскинувшийся на большой площади Гейнсвилл устроился среди болот и сосново-пальмовых лесов. Последнее чудно было видеть российскому взору: родные и банальные сосны по-братски соседствовали с недюжими пальмами, которые, словно заботливые слуги, обмахивали матовые стволы густыми раскидистыми листьями, защищая от жары и сметая вредителей. Топкие флоридские болота сохранили свой первозданный вид. В заболоченных ручьях, протекавших в городских парках, до сих пор водятся аллигаторы. Лишь отсутствие москитов создавало иллюзию мелиорации. На самом деле специальная техника по ночам обильно орошала местность репеллентами.

Рептилии придают городу определённый колорит. Они и сувенирному делу служат, туристов привлекают, и даже медикам работы подбрасывают. Парковые тропинки, идущие вровень с водой, уставлены удивительными табличками: «Аллигаторов с рук не кормить». И нигде «Осторожно, аллигаторы!» Кто-то додумался сосчитать нападения аллигаторов на человека с начала XX века, к нашему приезду накопилось 99 случаев. И при нас произошло сотое нападение!

Служащий парка, убиравший прибрежный участок, полез в воду за упавшим инструментом, да ненароком попал рукой в пасть аллигатора, почивавшего в мутной воде. Инстинктивно рептилия сомкнула челюсти и рванула в воду... Пострадавшему ампутировали предплечье, а аллигатора локализовали в участке воды и прикончили. Для города случившееся было поистине печальной сенсацией, затмившей иные мировые новости.

Как и подавляющее большинство западных городов, Гейнсвилл с российской точки зрения городом назвать было трудно. Да, население соответствует, но планировка!.. Состоящие из нескольких самоуправляемых микрорайонов-коммун, соединённых друг с другом многокилометровыми шоссе с удалёнными административными центрами, американские города не шли ни в какое сравнение с российскими. Пролетая над Атлантой, столицей штата Джорджия, мы любовались группой небоскрёбов, административным центром, откуда, как паутина, тянулись дороги к обширному одноэтажному району, «одноэтажной Америке». По сравнению с площадью меньшего

из них, фешенебельный центр выглядел как спичечный коробок на фоне обеденного стола. Одним городом всё это скопление с российской точки зрения было назвать трудно. Таков и Гейнсвилл, только без небоскрёбов. При известном удобстве это вынуждало принимать некоторые дополнительные усилия. Так, городок охраняют 18 пожарных частей (3 на 200-тысячный Петрозаводск) и, по меньшей мере, пять полицейских участков. Как и везде, три суда: округа, штата и федеральный, тюрьма и... аэропорт. А дорожная сеть города вынуждает местных автовладельцев едва ли не ежедневно пользоваться картой дорог.

К слову, о дорогах. Многие идут вровень с болотистой равниной, едва возвышаясь над водой. Машины шли подчас словно по воде. На асфальте – ни трещинки, ни промоин. Конструкция дорог удивляла продуманностью. К примеру, ширина полос и радиус поворотов идеально рассчитаны на тот вид транспорта и ту скорость, которую предписывали знаки. Разделительные полосы всех дорог вымощены металлическими выступами с люминесцентными отражателями. Вмонтированные через метр, они создают вибрацию при выезде за пределы своей полосы, служа дополнительным сигналом опасности водителям. Уже в Вашингтоне мы заметили, что даже усыпанные паутиной трещин уличные трассы идеально отремонтированы и ровны. Количество же дорог, казалось, гораздо больше числа машин в этой стране.

Разношёрстное население городка кроме коренных американцев до второго поколения представляют переселенцы первого поколения, в том числе и русские. Говорю русские, поскольку раз ты из бывшего СССР – значит, русский. Так и живут «русскими» азербайджанцы, украинцы, армяне, казахи, евреи и, разумеется, сами русские. Приезжие быстро и с охотой втягиваются в неспешное русло местной жизни и без особых хлопот находят себе применение. По крайней мере, не слышно о случаях попрошайничества или безработицы среди мигрантов из России.

В Гейнсвилле принимала нас группа американских граждан, оказывавших содействие программе «Открытый мир». Организаторами встречи стали Наташа и Стив Калишманы, местные адвокаты. Наташа – эмигрантка из России, бывшая помощница прокурора Одессы. Раскрепощённая, утончённая и чуть циничная, она производит неизгладимое впечатление на собеседника. Лицо её мне чем-то напоминало портреты Анны Ахматовой. Приехав в США, она не доволь-

ствовалась ролью домохозяйки, но с жаром взялась за изучение английского языка, окончила школу права и успешно практиковала в качестве семейного адвоката. У Стива и Наташи в Америке родилась дочь.

Бликие друзья Калишманов – семейство бывших одесситов, муж с женой, их дочь с молодым мужем и маленьким сыном. Они эмигрировали уже с «незалежной» Украины. Работу нашли быстро. На родине их мало что держало, ибо бывший офицер КГБ после развала Союза выбрал в качестве новой родины Украину. Ничего, кроме притеснений и оскорблений в адрес «москаля», он не слышал. Россия же граждан «иностранных государств» на службе в ФСБ не восстанавливала.

В качестве принимающих нас семей выступали и коренные американцы, в основном пенсионеры и состоятельные специалисты. Из-за отсутствия свободного времени с некоторыми мы так и не увиделись, жившие у них члены делегации встречали их лишь перед сном, доставленные по домам после дневной программы визита.

Лично я попал в почтенную семью Патрисии и Карла Эшли. Пятидесятилетняя пара инженера, специалиста по охране окружающей среды, и врача-терапевта полна жизненной энергии и находит удовольствие и способ послужить своему отечеству, принимая иностранные делегации. Как могли, они способствовали «экспорту» демократии и очень этим гордились. Карл имеет давние американские корни, а Патрисия – дочь эмигранта из Германии, внучка одного из ближайших соратников Карла Маркса, в детстве она слышала много рассказов от деда о легендарном философе-социалисте.

У обоих были дети, кажется, три дочери у Патрисии и два сына у Карла. Все они были от прежних браков. Карл не общался со своими сыновьями, старший был слишком занят своей работой, а младший вопреки мнению отца женился на женщине, которая была гораздо его старше, и усыновил троих её детей. Характерами свёкр с невесткой не сошлись. Дочери Патрисии жили также в разных концах США. Лишь младшая, двадцатилетняя студентка Университета Флориды, жила неподалёку. Раз в неделю она виделась с матерью, когда по субботам приходила убирать дом Эшли за 20 долларов в час.

Именно с рассказов этих людей, посвятивших нам своё время и внимание, началось наше основное знакомство с Америкой и, в частности, с её правовой системой.

Юридическое сообщество

Стив и Наташа часто упоминали термины «advocate», «lawyer», «defender», «адвокат судьи», «адвокат прокурора» и пр. Такой винегрет российскому юристу без комментариев было не осилить.

Чтобы называться юристом, «lawyer», сначала надо окончить двухлетнюю юридическую школу при университете, «law school». Затем, после годичной интернатуры (практики), сдать экзамен в лицензионной комиссии ассоциации адвокатов. Прошедшему испытание выдаётся лицензия на право самостоятельной юридической практики, такой юрист становится «advocate» и зачисляется в ассоциацию адвокатов округа или штата. Вышел из ассоциации – потерял лицензию.

Без лицензии ни один «lawyer» не вправе дать даже юридический совет. Лицензиат, по сути дела, является адвокатом в нашем, российском, понимании, вдобавок он имеет права нотариуса, юрисконсульта. Если в ходе интернатуры юрист специализировался на уголовном праве, а после получения лицензии выступает адвокатом по уголовным делам, то его ещё называют защитником, «defender». Несколько лет практики позволяют адвокату баллотироваться в судьи или прокуроры.

Ассоциация адвокатов – это общественная профессиональная организация всех юристов округа, в том числе прокуроров и судей. Адвокат обеспечивает защиту не конкретного лица или охраняемых законом интересов общества и государства, а права как всеобщей категории, производной сущности от Конституции США. В этом смысле все юристы выполняют одну работу, служат одной цели, поэтому считается, что судья или прокурор это специальная должность, а профессия у всех юристов одна – адвокат.

Открытие было сколь простое, столь и поразительное, ибо на уровне мировоззрения, внутреннего понимания природы вещей юристы осознают, что являются коллегами, товарищами и выполняют общую для всех задачу. Поэтому правила ассоциации обязательны даже для судей. Общегражданские ценности, переплетаясь с юридическими нормами, рожают весьма удивительные плоды.

К примеру, американцы активно участвуют в общественной жизни, то есть занимаются какой-то неоплачиваемой работой. Многие хотя бы раз в неделю после работы или в выходной день спешат в клуб, в общественную приёмную, в больницу, детский приют, чтобы пару часов словом или делом помочь нуждающимся. Уклонение от общественной жизни считается дурным тоном и может испортить имидж любого человека в глазах общества, о поли-

тической карьере тогда и вовсе не может быть речи.

Ассоциации адвокатов по-своему интерпретировали эту традицию общества. Каждый адвокат должен хотя бы четыре часа в год бесплатно оказывать юридическую помощь⁴. Ну, а если это судья или прокурор, то приветствуются бесплатные публичные лекции, консультации студентов, публикации статей и пр.

«Штрафных» санкций к пассивным членам ассоциации нет, как не существует писаного правила об участии в общественной жизни. Но в офисе ассоциации висит стенд, на котором напротив каждой фамилии указано, что он сделал за год за плату, а что – по зову сердца. В конце года на общем собрании отстающим «ставят на вид», на лобном месте вывешивают позорящий плакат и пр. Лицензии не лишают, но помимо «промывки» мозгов портится карьера: в прокуроры или судьи такому адвокату дорога заказана, а апелляция такого адвоката в суде к недостаткам оппонента немедленно будет парирована ответом в духе «на себя посмотрите!». Пара проигранных процессов насторожит любого клиента, и тогда – конец практике.

Наташа призналась, что неизменно числится в списках «отстающих». Однако, по её убеждению, к ней относятся предвзято по причине российского происхождения. С исконно русским упорством она отстаивала свою позицию: безвозмездное участие в проекте «Открытый мир», организация программы посещения США иностранными юристами, их проживание в её собственном доме, досуг и методическое обеспечение – чем это не общественная работа. Работа, да ещё какая, к тому же для неё это немалые расходы. Но по каким-то причинам с ней не спешат соглашаться.

Федеральный суд округа

— All right⁵! Его Честь достопочтенный судья! – с такого громкого объявления началось знакомство с американской судебной властью. В зал судебного заседания с пафосом вошёл в традиционной судейской мантии темнокожий представительный мужчина средних лет, весь вид которого выдавал его профессию.

Первоначальная строгость и некоторая надменность вмиг сменились непринуждённостью. Судья поприветствовал нас, снял мантию и радушно вышел к нашей аудитории. Фигуру судьи заслонял не отходивший ни на шаг судебный маршал, неодобрительно оглядевший группу и недвусмысленно распахнувший полы пиджака, чтобы каждый увидел рукоятку большого пистолета за поясом.

Как и при всех предыдущих и последующих

встречах, судья общался с нами как мессия, словно наверняка знал, что нам неведомы даже азы американской демократии и права, снисходительно растолковывая нам функции правосудия. Сначала нас это забавляло, затем коробило, под конец – злило.

В чём мы действительно были дилетантами, так это в институте присяжных: Большое жюри (Grande Jury) и суд присяжных (Trial Jury). Аналога Большому жюри в России нет, в его задачу входит вынесение решения о том, стоит ли дело того, чтобы передать его в суд (что в России возлагается на прокурора). И если у нас в стране прокуратура до недавних пор фактически совмещала функции расследования, надзора, обвинения, то американские «просекьюторы» занимаются исключительно расследованием и поддержкой обвинения в суде. По окончании расследования прокурор передаёт дело Большому жюри, по ряду дел решение о передаче дела в суд принимает помощник судьи, сопровождающий материал с момента предъявления обвинения лицу. Если обвиняемый в полном объёме согласен с обвинением, то дело передаётся в суд немедленно без всяких согласований. Решение о передаче уголовного дела в суд в компетенцию американского прокурора не входит.

Большое жюри – закрытое мероприятие. В присутствии 16-23 присяжных прокурор без свидетелей, судьи и адвокатов подозреваемого представляет собравшимся собранные доказательства. Составы Большого жюри и суда присяжных разные. Любой избиратель, может быть выбран присяжным. Статус присяжного не ограничивается законом. Требование Конституции США «Все равны перед законом» трактуется буквально. Судебной практике известны случаи, когда присяжными были судьи из состава суда, где слушалось дело, местные полицейские, участвовавшие в разоблачении преступника, священники, принимавшие исповедь обвиняемого, друзья и родственники потерпевшего, жертвы аналогичных преступлений и т.д.

Понимается американцами это так, что, когда человек отправляет свои профессиональные обязанности, он связан сводом профессиональных и корпоративных норм. Индивидуальное же мнение удаётся выразить не всем и не всегда. Статус присяжного даёт гражданину возможность рассуждать свободно от корпоративных предрассудков, создавать новые прецеденты и менять законы. Тем самым наиболее полно соблюдаются права граждан на свободу слова, мысли, избирать и быть избранными, участвовать в управлении государством, ведь вердикт присяжных это фактически закон, а законы и создаются, чтобы управлять.

Права присяжных гораздо шире, нежели в рос-

сийском правосудии. Вердикт присяжных не только определяет виновность-невиновность обвиняемого, но и может содержать новую квалификацию деяния. На наших глазах присяжным предстояло определить, имело ли место умышленное убийство 11-месячного ребёнка сожителем его матери либо подсудимый имел умысел на причинение ему телесных повреждений с целью заставить его не плакать (сожитель непутёвой молодой мамыши с силой тряхнул ребёнка, чтобы он замолчал, пока его подружка ходила в магазин за детским питанием, в результате у малыша оказалась сломана шея). Вердикта мы не дождалась: вопрос занял у присяжных много времени, а ограничивать его никто не вправе. На памяти принимавшего нас судьи самый большой срок обсуждения вердикта присяжными занял пять недель.

Совещание присяжных для американцев имеет магическое значение. Их изолируют от внешнего мира, снабжают всем необходимым, поселяют под охраной с одной целью: не зная мнения общественности, исходя лишь из внутренних убеждений, вынести решение. Дороговизна и трудоёмкость содержания присяжных привели к тому, что по незначительным делам присяжные ходят в суд как на работу, а перед уходом после очередного совещания домой предупреждаются судьёй о воздержании от просмотра СМИ и обсуждения судебного разбирательства с кем бы то ни было.

Общение с присяжными своего рода искусство, попробуйте-ка публично убедить в своей точке зрения двенадцать незнакомых людей строго оговорёнными методами. Зал судебных заседаний оборудован системой представления доказательств: магнитофоны, компьютеры, диапроекторы и... столы, доски с мелом и указки. Суд без наглядного представления и обсуждения доказательств просто немыслим. Даже если в деле имеется микроскопический волосок, его изображение выведут присяжным на большой экран, и только после его публичной демонстрации судья принимает решение о принятии предмета в качестве доказательства. Активно внедряется реконструкция событий с помощью кинематографа или компьютерной графики. Если запустить туда наших прокуроров, скучно и нудно зачитывающих вслух обвинительное заключение без демонстрации доказательств, их попросту вытолкнут на улицу как провинившихся школьников.

Много мудрого и в конструкции здания суда. Планировка судебного зала непременно предусматривает отдельный вход в зал суда для судьи, отдельные помещения для свидетелей, которые не сидят, как в России, в общем коридоре, не сго-

вариваются и не подслушивают, что собираются сказать другие. Несколько служебных выходов позволяют скрытно ввести и вывести свидетеля, личность которого охраняется правосудием. Как и в России, в США судья, прокурор и адвокат не могут общаться до суда по делу. Американцы, поняв когда-то, что общения не избежать, узаконили эти встречи, создав совещательные комнаты в суде, где только и возможны переговоры, но обязательно участие трёх участников. Узнать, был ли кто-нибудь в совещательной комнате, труда не составляет: перед входом сидят два клерка, потенциальные свидетели, а сам вход и комната круглосуточно находятся под видеонаблюдением, как и все помещения суда. По требованию сторон запись представляется в суд. Это только в России прокуроры и адвокаты бегают в кабинет судьи «чайку попить» за полчаса до суда.

Статус судьи не пустые слова: даже в быту граждане обращаются к судье «Ваша честь» или «Достопочтенный судья». Апартаменты судьи поражают воображение: роскошные мебель, отделка, удобства и оргтехника – всё призвано не только облегчить работу судьи, но и подчеркнуть его особое положение.

Наше внимание привлекла небольшая трибуна по правую руку от судейского стола. Принимавший нас судья пояснил, что это место помощника судьи. Им является специалист в области права, своего рода адвокат судьи. Исторически судьи в США избирались, назначались лишь федеральные судьи – президентом, а судьи штатов – губернаторами. Но и назначению предшествовали выборы, сначала двух кандидатов, затем президентом или губернатором – одного из этих двух. Выбирали уважаемых людей – основными критериями судьи считались жизненный опыт, нравственность и порядочность, – но редко имевших юридическое образование, а то и вовсе неграмотных. Традиция была так сильна, что даже во второй половине XX века встречались малообразованные судьи.

Чтобы судить, не зная прецедентов, судья-непрофессионал находил партнёра из опытных адвокатов, который подсказывал судье, чем руководствоваться при рассмотрении дел. В целом система оправдала себя. Прогресс расширил функции помощника: в суде он фиксирует и обрабатывает на компьютере поступающие от сторон сведения. Состязательный процесс предполагает возможное изменение обстановки до неузнаваемости, и судья не всегда в состоянии с ходу вспомнить содержание необходимого закона, а запомнить все прецеденты не в состоянии никто. Поэтому вполне нормальным считается, если судья прервёт заседание

и попросит помощника отыскать тот или иной прецедент, мнение авторитетных юристов, а то и просто дать совет, что делать? А ещё он сопровождает уголовные и гражданские дела задолго до судебного разбирательства, лично с ним консультируются все участники процесса.

Судебные заседания фиксируются видеозаписью. Нельзя не признать, что в мире, где суд порой является инструментом разрешения споров между влиятельными силами, всегда найдётся желающий оказать давление на суд. Обойти закон опытному судье труда не составит. Один философ заявлял: «Пусть меня судит самый пристрастный судья, но пусть суд будет публичным», – подразумевая, что на виду у всех судья связан общественным мнением. В тех же США суды, подконтрольные мафии 20-30-х гг. XX века, в присутствии публики и при участии присяжных выносили заранее оговорённые с боссами мафии вердикты. Но одно дело, когда судью обсуждают в запуганном мафией городе. Другое дело, когда твой поступок может стать достоянием широкой общественности. Тогда вступают в действие совсем другие социальные и общественные законы, и отреагировать на неправомерные действия суда для властей – дело чести. Лучшего способа, чем видеозапись, для этого, пожалуй, не найти. Как ни странно, законы запрещают вести в судах фотографирование, отчего весьма популярна профессия судебного художника (а видеозапись как доказательство в суде считается непрерывным фотографированием!).

В США в прямом эфире транслируются слушания Верховного суда, во многих штатах специальные кабельные каналы транслируют заседания своих Верховных судов. Видеозаписи судебных заседаний составляют целые архивы, но помогают оперативно разрешить любое недоразумение, относящееся к спору сторон в суде и, безусловно, к поведению в заседании судьи. Трансляция судебных заседаний в России произвела бы настоящий переворот.

Мы стали свидетелями одного судебного слушания. Приговорённый к уплате штрафа и возмещению вреда осуждённый упорно игнорировал судебное решение. В зале судья, прокурор со своим адвокатом, общественный защитник и судебный маршал, притащивший беднягу к судье. На вопрос, почему не платит, отвечает просто: денег нет, пятеро детей, сам болею, кто на работу возьмёт такую развалину с судимостью? «Вопросы», – обращается судья к залу. В тишине постановляет со всякого дохода половину удерживать, и – молотком по столу. Следующий! Минуты две от силы. Нагрузка у такого судьи не менее

120 дел в месяц против 20 дел у российского судьи. Специализации по гражданским, уголовным делам американские судьи не знают. Раз в два года судьи переводятся с одной отрасли права на другую, с ДТП на бэрглери⁶, с бэрглери на разводы, с разводов на хозяйственные споры.

Интересно, как судьи у них находят нестандартные решения, ведь нелегко проводить всякий раз аналогию с прецедентами. Сначала, отвечает судья, трудно, потом само как по маслу идёт. Нашли в Штатах даже весьма экзотический метод наказания виновного в совершении преступления, опираясь на здравый смысл и Конституцию. Одно дело об убийстве закончилось оправданием обвиняемого в Верховном суде США. Суд установил, что из двух мужчин, бывших в изолированном помещении, один умер насильственной смертью, доказательств совершения убийства вторым не нашли, признаков присутствия третьих лиц также не обнаружили. Подозреваемый в убийстве был оправдан судами всех инстанций из-за отсутствия прямых доказательств. Однако, исходя из «банальной эрудиции», Генеральная прокуратура США рассудила, что коль убитый погиб от руки неизвестного, а присутствовавший при этом оправданный человек не вмешался, то он нарушил тем самым требование Конституции США, согласно которому каждый имеет право на защиту права на жизнь граждан. Мер по защите не принял, о случившемся в компетентные органы не сообщил, соответственно, несёт материальную и моральную ответственность за гибель человека. Генеральный атторней США предъявил ему гражданский иск в Верховный суд США о возмещении материального вреда за потерю кормильца и морального ущерба семье убитого, который суд сразу удовлетворил. Сумма иска составила несколько миллионов долларов США, и хотя ответчик оказался состоятельным, решение суда превратило его в «социальный ноль», весь дом его и хозяйство пошли с молотка. Американские судьи с гордостью заявляют, что создали систему, при которой преступник, оправданный в уголовном суде, может понести ответственность в гражданском, что порой куда хуже, чем понести уголовное наказание.

Юридическая школа

Довольно экзотичной оказалась система юридического образования в США. Узок, по российским меркам, заложенный в эту систему кругозор, однако же в кратчайшие сроки позволяет она готовить вполне достойных служителей закона.

Расположенная невдалеке от Гейнсвилла юридическая школа при Университете Флориды одна из

10 крупнейших в Штатах и существует более 90 лет. Ежегодно обучаются в ней 1300 студентов, где проходят общеобразовательную и специальную подготовку. В школу принимаются выпускники четырехлетних колледжей (т.к. есть ещё в США двух- и трехлетние). Срок обучения в юридической школе – 3 года, из которых собственно учёба занимает 2 года и один год – интернатура. За знаниями в школу приходит не только молодёжь, немало среди студентов зрелых людей, а то и вовсе пожилых.

Учатся в школе и иностранцы. Среди постоянных учащихся школы молодёжь из Коста-Рики, Франции, Германии, Польши, ЮАР. Были организованы опытные программы обучения грузинских студентов и группы российской молодёжи из города-побратима Новороссийска.

Упор делается на преподавание теории права, основ государства и права, изучение ряда федеральных законов и некоторых разделов международного права и т.д. Составителей учебных программ не смущает, что студенты не отличаются «многознанием». Американские выпускники знают право «по верхам», более того, в программы умышленно заложено изучение считанных отраслей права. Американцы практичны: сколько ни учи отрасли права, на практике юристу пригодятся три-четыре, остальные забудутся, к тому же право в современном мире стремительно обновляется и изменяется, так зачем тратить деньги на заведомо непригодную в будущем информацию.

Образование чувствительно к рынку, но не схемы оплаты и выживания денег из студентов здесь процветают. Мониторинг юридических услуг позволяет своевременно включать в программу обучения специализированные курсы по наиболее востребованным отраслям права: на время нашего посещения таковыми являлись, к примеру, авторское и муниципальное право. Спецкурсы может посещать без ущерба для репутации практикующий юрист, желающий расширить сферу познаний и деятельности.

Методика обучения максимально приближена к реальным условиям будущей деятельности. Большинство занятий т.н. «полевые», аналог практических и лабораторных работ в российских учебных заведениях. Даже лекции зачастую читаются в специальной учебной аудитории, полностью устроенной как зал судебного заседания. Устраиваются учебные судебные процессы с участием настоящих судей и прокуроров. В корпусах оборудованы учебные кабинеты адвокатов, куда приходят за бесплатными юридическими советами малоимущие горожане, а также тюремные комнаты для свиданий с адвокатами, в которых студенты консультируют настоящих

правонарушителей, ежедневно доставляемых полицией. С самого начала студенты учатся выступать публично, причём каждое выступление или встреча с клиентом записываются на видеоплёнку в специально оборудованной телестудии, а затем разбираются индивидуально и в группе с участием педагога-юриста и психолога. Поощряется посещение студентами судов, полиции, безвозмездная практика у действующих адвокатов.

К выпуску слушатели уже морально готовы к юридической практике, хоть по количеству знаний они, по признанию директора школы, «полные нули». Но через год после интернатуры выпускники – уже члены коллегии адвокатов, самостоятельно практикуют на хорошем уровне. Новичка от зрелого юриста разделяют 4-5 лет.

Самым необычным для нас, не имеющим аналогов в российской образовательной и научной системе, стало то, что в США действует общее правило: alma mater своих выпускников на работу не берёт! В родном учебном заведении нельзя вести научную работу, защищать диссертацию, даже просто преподавать. Выпускник Университета Флориды едет получать докторскую степень, скажем, в Йельский университет, после чего доктор наук вынужден искать научную кафедру «на стороне»: дорога и в Гейнзвилл, и в Йель ему заказана. Так американцы препятствуют стагнации и протекционизму в научной и методической мысли. Исключения редки и возможны лишь с согласия специальных комиссий и одобрения научной общественности.

Выпускников юридических школ в американские спецслужбы не берут. Оказалось, что кроме муниципальной полиции и полиции штатов, для работы в которых достаточно окончить любой колледж и полицейскую академию, в спецслужбы берут лишь выпускников университетов. Оконченный факультет играет ту роль, что разные направления деятельности в правоохранительных органах требуют различных специалистов. На практике успешным агентом (наиболее распространённое название должности в большинстве правоохранительных органов в США, что-то вроде российского оперуполномоченного) в области радиационной безопасности становится скорее дипломированный физик, прошедший спецподготовку, чем юрист. Считается, что физика, химика или биолога легче научить правилам сбора и фиксации информации, обращению с оружием и спецтехникой, чем юристу познать круг научных вопросов. Подход диаметрально противоположный российской практике. Это же стимулирует и развитие судебной практики: без стереотипов и шаблонов проще найти свежие решения. А специалисту в узкой области знаний легче входить

в контакт со средой, представляющей оперативный интерес...

Забыв о запрете на «политнекорректные» вопросы, кто-то из группы спросил, как в школе дела с дискриминацией. Ректор признался, что всего пять лет назад студентов в школу привозили разные автобусы для белых и темнокожих. При равных баллах вне конкурса поступали белые, число мест для темнокожих было ограничено. Приток студентов из Азии и падение образовательного уровня белых поставили школу в тупик: в каких автобусах возить китайцев, японцев, корейцев, афганцев и индусов и кем заполнять аудитории после провальных вступительных экзаменов белых абитуриентов? Попечительский совет отменил все ограничения.

Полицейская академия

Настраиваясь на встречу с Полицейской академией, мы со смехом вспоминали одноимённую комедию. В действительности академия оказалась незамысловатым учебным центром для кандидатов на службу в полицию, а название «академия» в Штатах издавна принято давать специальным учебным заведениям, будь то курсы парикмахеров и визажистов (Академия красоты) или ускоренные курсы рисования (Академия изящных искусств). Так что чего-то экстраординарного ожидать не приходилось. Однако пытливым и практичным американский ум и в рядовом учреждении обнаружил незаурядные организационные способности.

Академия в округе Санта-Фе (полиция округа Алачуа, город Гейнзвилл, никто не разберёт их с административным делением) является подразделением более крупного Института общественной безопасности. Под одной крышей собрались профессионалы в области правопорядка: полицейские и пожарные, сотрудники органов по охране окружающей среды и таможенники, – собирали проблемную информацию и с помощью современных методик вырабатывали способы укрепления законности и правоохраны. Институт без заказа местных властей самостоятельно проводит мониторинг ситуации по соответствующему профилю и также, в текущем режиме, выдает необходимые решения. Как это непохоже на авральность отечественной системы, когда всё к сроку, к решению совещания, коллегии, и только в соответствии с планами руководства...

Начальник местной пожарной охраны ничуть не ломает голову над динамикой роста пожаров. С завидной регулярностью он, равно как и его коллеги в полиции, лесо- и водоохране и пр., получает аналитическую информацию по своему направлению

и рекомендации по действиям. Аналогичные сведения направляются учредителям, т.е. местным властям и контролирующим органам. Там уже смотрят, что им надо дополнительно предпринять, а что недорабатывают подчинённые правоохранительные органы. Не последними узнают об исследованиях спецов местные жители, до которых отчёты доводятся через СМИ. «Замылить» ситуацию при такой системе невозможно, как невозможно бездействовать или делать то, что произвольно хочет тот или иной начальник. Главное, что дело движется и каждый доллар – прозрачный. Увидел я и ещё одно преимущество: нет надобности отдельным подразделениям содержать своих аналитиков, собирать каждый раз совещания и коллегии, ждать конца квартала как Апокалипсиса; всё дешевле и для нервов безопасней.

Но институт – не массивное здание с многочисленным штатом. На удивление, нас встретил узкий круг профессионалов, в основном отслуживших приличные сроки в полиции. Объёмные помещения им без нужды, ибо в век современных технологий основное их оружие – компьютер, а он-то места много не занимает.

На небольшой площади умещаются основной корпус со скромным плацем да несколько одноэтажных щитовых домиков, служащих казармами-общежитиями для курсантов и учебными классами. Здесь же находится стрельбище. Как и почти везде во Флориде, территория слабо мелiorирована, отчего при ходьбе по ровнёхоньким газонам из-под ног обильно сочится вода.

После слов приветствия офицер академии, невысокий полноватый мужчина с академической бородкой в строгом костюме, внезапно повёл нас в спортзал. В первой комнате располагался обычный тренажёрный зал, оклеенный знакомыми до боли плакатами с изображениями знаменитых культуристов. Наш гид, обладатель пивного брюшка, немало нас удивил, выжав штангу весом в полтораста килограммов и отжав ногами двести. Во второй – обвешанный матами бойцовский зал, где тренировались двое курсантов в пластиковой защите, вооружённые резиновыми дубинками.

Вежливо поблагодарив гида, ему намекнули, что как юристов нас в первую голову интересует правовая, методическая и материальная база, а не очевидная превосходная физподготовка американских полицейских. Добряк несколько разочарованно кивнул, но, провожая нас обратно через тренажёрный зал, всё же заметил, что офицеры академии обязаны тренироваться в нём шесть часов в неделю, причём не менее чем за два посещения, за этим следит специальный офицер. Бегать заставлять не

принято, ибо в Штатах утренняя пробежка едва ли не святое дело для большинства мужчин и женщин.

Был разгар занятий; основной корпус и вся территория непривычно пустынно. Ни дежурных или дневальных в коридорах, ни одинокого курильщика, удравшего с занятий. Тишина наводила на мысль, что учебный центр давненько пустует. О живых курсантах говорили лишь стенды с фотографиями занятий, классов, групповые снимки выпускников. Но нет: из некоторых аудиторий доносились голоса преподавателей.

Гид пригласил нас в небольшой одноэтажный корпус, в длинном учебном классе которого занималась многочисленная группа будущих стражей закона. У входа ожидал строгого вида, по-военному подтянутый офицер. Представился: помощник начальника академии, руководитель учебных и научных программ института. Мы вошли внутрь здания в разгар занятий, и при входе преподаватель-женщина скомандовала: «Встать! Смирно!» Примерно рота курсантов в светло-бежевой униформе с яркими нашивками встала, прижав ладони к боковым частям бёдер, отчаянно сводя руки в локтях назад.

Чувствовали мы себя неловко. Курсанты пожирала нас глазами, а на мою долю приходилось больше всего внимания, всё-таки живой русский милиционер. Во взглядах молодёжи много было интереса, были в глазах и превосходство над русскими, и уже пробудившиеся профессиональные амбиции. Моё майорское звание на них оказало магическое воздействие, отчего я, зная, что по должности – ровня американскому сержанту-сыщику, смущался ещё больше. Бодрое начало церемонии прервалось самым неожиданным образом.

Старший офицер приказал курсантам задавать вопросы. Долго никто не решался, и команду пришлось повторять два раза. Поднялась пара рук, малорослому коренастому курсанту преподаватель разрешил говорить первому. С нескрываемым ехидством курсант спросил персонально меня, какая полиция лучше, русская или американская. Ответил я ему как есть: мы разные страны, разные народы, для каждой страны хороша своя правоохранительная система, сравнить их в категории «лучше-хуже» едва ли возможно. Гнев и разочарование вмиг затуманили взоры аудитории. Старший офицер скрипнул зубами, а затем резко и грубо сообщил, что мы отрываем курсантов от занятий, нам ещё многое надо увидеть, и попросил всех на выход. Злые взгляды жгли мне спину.

Абсолютно все сошлись во мнении, что американцы дико разозлились, ожидали-то услышать себе любимым хвалу. Да я бы с удовольствием

признал их лучшими, если б и в самом деле мы не были столь различны.

Мимо прошагал помощник начальника академии, обиженно глядя под ноги. Махнув рукой в сторону пустыря, он приказал следовать за ним. За бараками располагался огневой полигон. Удивительней всего, что рядом пролегало оживлённое шоссе, но, видимо, планировка и конструкция стрельбища гарантировали высокую безопасность. Стрелять тут можно было лишь с коротких дистанций, метров до тридцати.

Ожидали нас бойцы группы «S.W.A.T.» во главе с их лейтенантом Джимми Люмбаргером. Два стола были завалены стрелковым оружием, винтовками, пистолетами-пулемётами, снайперскими винтовками и ручными гранатами. После непродолжительного рассказа о применении экспонатов нам разрешили поупражняться в стрельбе из гражданского варианта армейской автоматической винтовки М-16 и полицейского 9-мм пистолета-пулемёта.

В ожидании своей очереди я разговорился с подошедшим начальником академии, пожилым подтянутым седым офицером в чёрном мундире с двумя серебряными звёздами на погонах: генерал. Непривычно было видеть немолодого офицера полиции, тем более зная, какие требования к здоровью и физической подготовке предъявляют к полицейским в США. Начальник академии посетовал: прежде в полицию брали лишь после армии, недавно это ограничение сняли, новобранцы пошли не те. Слабая дисциплина, физическая подготовка. При том, что количество учебных часов на все дисциплины оставалось прежним, качество обучения снизилось. Вчерашнего солдата надо было лишь выучить правилам применения оружия, а тут ещё экономия бюджета вынудила сократить учебные стрельбы, теперь выпускники, ранее не служившие в армии, хотя и знакомы с оружием, но действуют неуверенно, надеясь лишь на расход боеприпасов, а не на точность стрельбы.

Что касается оружия, то, в отличие от России, где от «лесов до полярных морей» нет ничего лучше пистолета Макарова, едва ли не каждый полицейский участок решает, как ему вооружаться в зависимости от местных законов и финансов. В здешней местности привычно было видеть австрийский пистолет «Глок» из композитных материалов, массивный с виду, но легче ПМ из-за отказа от металлических деталей, с магазином на 15 патронов и тремя запасными обоймами. Всего 60 патронов на смену против 16 у российского стража порядка.

В багажнике каждой полицейской машины лежал целый арсенал: помповые ружья, М-16, пистолеты и револьверы, свето-шумовые и газо-дымовые гра-

наты, запас боеприпасов и пр. Считалось, что все офицеры должны владеть тем оружием, которое состоит на вооружении полицейского участка. Разумно. Вдруг случится заменить раненого товарища в перестрелке или кончатся патроны и тебе предложат другой вид оружия?

За разговором дошла очередь стрелять и до меня. Непривычного вида М-16 легла в руки неловко и чуждо. К её прицелу надо либо привыкать после родного АКМ, либо начинать учиться только с этого вида оружия. Легка в стрельбе, но с дистанции 20 метров удивительно слабая кучность. 9-мм пистолет-пулемёт «Кехлер-Кох», напротив, прост в использовании, резв при стрельбе, до чего ладно легли пули! Такое оружие не останавливает, оно создано убивать.

Ухожу с рубежа огня с промоченными ногами: вода безжалостно сочилась сквозь мягкий болотистый грунт. Спросил начальника академии, почему на тренировках стреляют с таких близких дистанций. Анализ перестрелок показал, что самая распространённая дистанция боя 5-10 метров, реже до 20. Стреляли и с больших расстояний, но эффективность и интенсивность огня с обеих сторон падала в разы. Упор не столько на меткость, сколько на молниеносную подготовку к стрельбе и опережение противника при первом выстреле, это залог победы в огневом поединке. Доктрина существенно отличается от принципа подготовки российских стражей порядка, обучаемых преимущественно неторопливой прицельной стрельбе с предельных дистанций выстрела.

Беседу, протекавшую под оглушительную пальбу российских законников, прервал стрёкот полицейского вертолёт. Двухместная стрекоза с мощным прожектором и тепловизором на носу приземлилась посреди травянистого плаца. Для чего полиции вертолёт, нет нужды пояснять. На их счету десятки обнаруженных угонщиков автомашин, убежавших с места преступлений правонарушителей, несчётное количество нарушителей ПДД.

Пилоты, бывшие армейские лётчики, по возрасту не подходили на службу в полицию, не годились они и в полицейскую академию, без окончания которой закон запрещал выдачу лицензии. Для них сделали исключение, распространив статус офицеров полиции. Но был ограничен их статус полицейских на земле в свободное время. Они не имеют права на арест, обыск, на участие в расследованиях и пр.

На земле чаще приходится пользоваться автомобилями. Налогоплательщики ждут от своих офицеров полиции умения быстро прибыть к месту происшествия и догнать преступников. От кандидатов в полицейские академии в США требуют

наличия водительских прав, хотя бывают и исключения. Их «форды» и «шевроле» (самые популярные марки американских машин, используемые в полиции) оснащены форсированными двигателями, усиленными подвесками, АВС, противовесами и прочими «наворотами». Напичканы они бортовыми компьютерами, навигаторами, рациями, факсами (!), арсеналом стрелкового оружия. В США правоохранительные органы эксплуатируют не серийные автомобили, а созданные на их базе модели, пригодные к работе в нестандартных условиях. Техника требует от экипажей особых навыков. Во многих академиях преподают курс «полицейского вождения». На полигонах, повторяющих городские улицы и участки хайвеев (highway – скоростное шоссе), курсанты учатся обгонять и прижимать машины, разворачиваться на месте в противоположном направлении с продолжением движения, двигаться на задней скорости и т.д.

К концу экскурсии начальник академии и его помощник предложили нам побывать в роли членов патрульных экипажей. Оказалось, руководитель научных программ был ещё и преподавателем вождения, заядлым автогонщиком, чемпионом различных соревнований. Нас привезли на автодром, где, сидя на пассажирских сиденьях личного «форда» этого офицера, мы по очереди получили свою дозу адреналина, въезжая на скорости 60 миль/ч⁷ в крутой поворот под прямым углом перед стеной здания, разворачиваясь на месте с сохранением скорости, с объездом бетонных столбов и многими другими трюками, подвластными, казалось бы, только опытным каскадёрам. И это, как пояснил нам офицер, была не специально оборудованная машина, на которой такие штуки «может проделать даже обезьяна». Мы лишь ошалело улыбались друг другу, вылезая из машины на раскалённый автодром, пропахший горелыми крышками.

После вождения я расспросил начальника академии о нашивках на его рубашке. Выяснилось, что, в отличие от военнослужащих, для полиции не существует федеральных наград. Каждый штат, округ, город или лично шериф вправе вводить свои медали, памятные знаки, знаки отличия и пр. В одних местах эта практика широко применяется, и к концу службы офицером некуда крепить планки, в иных местах за всю службу не заработать ни одной. Как повезёт. Учреждают награды и за особые, «штучные» заслуги. Офицер показал на одну планку и пояснил, что это медаль губернатора штата, которую он учредил за поимку печально знаменитого маньяка, убийцы студентов.

Осторожно, почти извиняясь, офицеры спросили моё звание. Ответ заставил их изумиться. Такой мо-

лодой и майор? Строгий научный руководитель, он же автогонщик, вскинул глаза, оказалось, он тоже майор и зарабатывал свой чин пятнадцать лет. Переглянувшись, они пообещали подарить мне позолоченные кленовые листья (знаки отличия майора).

Наша встреча с академией, казалось бы, и окончилась. Мы окунулись в другие заботы. Но в день отъезда уже в аэропорту меня разыскал майор и вручил пару кленовых листочков и национальный флаг, кстати, единственное изделие, на котором я нашёл бирочку «Made in USA». Прижав руку к бэйджу, майор посетовал, что охотно подарил бы на память и его, но правила запрещают передавать его другим лицам, а утрата считается бесчестьем.

Мы обменялись рукопожатиями, сфотографировались на память на фоне звёздно-полосатого триколора. Майор собрался уходить, но, задумавшись, задержался. Посмотрев себе под ноги, он поднял глаза и вдруг с глубокой приязнью и уважением произнёс: «А ты хорошо тогда ответил там, курсантам в академии». После чего отдал честь и твёрдым шагом удалился.

В тюрьме

Лишить человека свободы в Америке в чём-то гораздо проще, чем в России. По крайней мере, заработать сутки ареста труда не составит. Другое дело, американцы практичны, и сажать в казённый дом просто так, чтобы нарушитель проедал налоги, никто не станет, так что здесь властвует не только закон, но и расчёт.

Изоляция, по мнению американцев, мера серьёзная. В отличие от отечественной доктрины, рассматривающей лишение свободы как меру наказания и метод коррекции, американцы откровенно признают, что задача лишения свободы в ограждении общества от нарушителя. Элементы возмездия и исправительного воздействия американцами признаются, но приоритет остаётся за изоляцией. Американская правовая система устроена так, что за решётку попадают, как правило, не поддающиеся исправлению: помимо лишения свободы, видов которого в Америке не счесть, американская Фемида использует гораздо более широкий арсенал санкций, чем это практикуется в России.

Над глухим коробом здания, окутанного по периметру «колючкой», с вышками по углам, высилась яркая надпись – «Alachua County Sheriff's Office. Department of the Jail» (Департамент мест заключённых. Управление шерифа округа Алачуа). Необычными для нас были национальные флаги на площади перед тюрьмой и на крыше главного корпуса. Место для пенитенциарного учреждения подобра-

но со смыслом, прямо на выезде из аэропорта, видно, с целью профилактики: «кто с дурной мыслью прилетел, тому билет к нам заказан».

Цветастые клумбы, ухоженные аллеи, автостоянка, уютные скамейки для посетителей. Стеклопанельная дверь-вертушка пропускает в просторный вестибюль. На стенах стенды с правилами посещения тюрьмы, выписками из законов, краткой историей учреждения, и внушительных размеров макет тюрьмы в разрезе. В глубине коридора стеклянная вахта, «стакан», по обе стороны которого внутрь тюрьмы ведут коридоры. На вахте дежурят два офицера, женщины, афроамериканки. Завидев нас, одна из них поспешила вызвать начальника. Как только она встала, нашему удивлению не было предела. Габариты офицера не поддавались никакому описанию, и оставалось лишь догадываться, как женщина необычайной полноты была принята на службу в полицию.

В вестибюле наша делегация была не одинока. Несколько женщин афроамериканок с детьми записывались на посещение мужей-заключённых. Белый мужчина в кресле под пальмочкой листал журналы. Только униформа администрации отрезвляла и не давала забыть, что всё это не сценка заказа номеров в мотеле, а тюрьма.

За вахтой лязгнул затвор электронного замка, и навстречу нам вышел статный майор в тёмно-зелёной униформе. Представился: директор тюрьмы.

Директор... тюрьмы. Хм...

Директор вежливо, но настойчиво порекомендовал всем не разбредаться и не подходить близко к заключённым, и, не дай бог, не давать им ничего, если вдруг попросят, ну денег, например. Можно фотографировать, но лица персонала тюрьмы не должны попадать в объектив; следить за этим никто не будет, но если кому-то покажется, что его сфотографируют, то, увы, от нас могут потребовать выдать плёнку. Завидев на мне форму, майор вежливо осведомился, кто такой? Услышав ответ, не среагировал, лишь тихонько дал указание габаритной дежурной пригласить свободных от дежурства офицеров.

Подшли к тамбуру. Минута на открывание дверей, минута на закрытие, ещё минута – открылись двери, ведущие внутрь основного корпуса. Весь тамбур застеклён. Ширина не позволяет вытянуть руку с пистолетом, развернуться с автоматическим оружием, стёкла держат выстрел «калашникова», акустика специально требует тишины, крикнешь – режет слух, выстрелишь – наверняка оглохнешь.

Ещё один тамбур, и по коридорам забегали осуждённые, бесконвойные, по-нашему. Дирек-

тор повёл нас к «истокам», к участку приёма осуждённых и задержанных.

Поясню, в какую тюрьму мы приехали. В английском языке есть два слова «jail» (камера) и «prison» (тюрьма), означающие место лишения свободы. Как правило, тюрьма, prison, в Америке – это учреждение, где отбывают наказание осуждённые к лишению свободы, что-то вроде наших колоний и тюрем. Есть тюрьмы федеральные, штатов и округов, и даже частные.

Если же учреждение изоляции обеспечивает текущую работу полиции: краткосрочные задержания (по аналогии с российскими изоляторами временного содержания и камерами административно задержанных), заключение под стражу в качестве меры пресечения (наподобие наших следственных изоляторов) или краткосрочное заключение по приговору суда, оно называется «jail». Мы переводим «тюрьма», хотя и отдельные камеры, в которых непосредственно содержатся задержанные в полицейских участках и заключённые внутри тюрьмы, также называются «jail».

Место нашего посещения как раз называлось «jail». Гейнсвилл городок небольшой и своим полицейским участкам собственные камеры создать, видимо, не в состоянии. Каждый задержанный доставляется сразу сюда. Если суд выносит приказ об аресте (arrest warrant), то содержание под стражей продолжается: в тюрьме есть специальная комната, в ней всё как в настоящем суде, только на месте судьи – телевизор с видеокамерой. Судья заседает в своём кабинете, задержанный и адвокат – в судебной комнате, а правосудие вершится благодаря телекоммуникационным системам.

Тут же отбывают наказание за преступления против местных законов и ряда законов штата. Тюрьма разделена на три сектора: краткосрочного ареста, ареста до суда и собственно тюрьму, место отбывания наказания по приговору суда. Дёшево и сердито: знай переводи нарушителя из камеры в камеру, из сектора в сектор.

Вот мы в зоне приёма задержанных. Знакомый алгоритм работы: краткий досмотр и снятие антропометрических данных. Но какова технологичность процесса! За неполные десять минут задержанный оставляет на «вечную память» отсканированные отпечатки обеих рук, ног, рисунок ушной раковины, фото- и видеоизображения в анфас, профиль, в движении, данные роста, веса, размера головы, одежды и обуви, снимок сетчатки глаза и т.п. И всё это на мизерной площади делается одним сотрудником, правда, на суперсовременном оборудовании. Файлы сохраняются в компьютере и передаются в Информационный центр правоох-

ранительных органов штата, а развитие информационных технологии позволяют практически сразу использовать данные любыми полицейскими агентствами США.

Камеры небольшие, едва достаточные для четырёх человек. Внутри камер кирпич выкрашен в мягкий голубой цвет, двери из сверхпрочного пуленепробиваемого стекла. Как-то устроено, что в коридоре приглушённо слышно, что говорят в камере, оттого там стоит постоянный гомон. Описывать поведение заключённых, увидевших в дверях камер женщин из нашей делегации, не берусь, сам не видел, знаю с их слов, представить, полагаю, несложно. Говорят, особенно бурно реагировали афроамериканцы.

Персонал тюрьмы к этому делу привык, на брань ноль внимания, тем паче что выведенные из камер заключённые немедленно превращаются в смиренных овечек. А не в меру «буйным» для профилактики могут и «браслеты» надеть, да такие, которые в России только по фильмам знают: цепи по рукам и ногам да всё к цепи на поясе приковано, не то чтобы рукой взмахнуть – не согнуться, штаны не снять по нужде, передвигаться можно лишь мелкими шажками. Вот и вся воспитательная работа, и никаких душевных бесед или штрафных изоляторов.

Что до удобств и благ, то, безусловно, они есть, включая тренажёрные залы и интернет-аудитории. Еда на убой, фруктов пруд пруди. Однако проводить аналогии с российской зоной не стоит: еда хоть и на убой, но недорогая, те же фрукты в Америке дешёвы, а за день до конечного срока реализации распродают почти задаром, тем и кормят арестантов. В тренажёрах забота о здоровье заключённых сочетается с заботой о бюджете: здоровый заключённый реже болеет, а купить один тренажёр для сотни человек дешевле, чем их лечить, к тому же в спортзале пар выпускается, меньше дурных мыслей в головах зреет.

На память пришёл пример практичности по-русски. Офицер Управления исполнения наказаний как-то посетовал, мол, его коллеги убедили начальство увеличить расходы на лечение и профилактику туберкулёза в колониях Карелии. Через год смертность от туберкулёза начала снижаться; тут же урезали расходы, умирать-то стали меньше. На довод офицера, что расходы снижать нельзя, ведь заключённые снова начнут умирать, резонно возразили: начнут умирать, опять дадим деньги, не вопрос.

Для меня экскурсия по тюрьме прервалась на участке приёма заключённых. В течение недолгого рассказа директора тюрьмы прибывшие по его команде офицеры безмолвно разглядывали меня, томительно переминаясь с ноги на ногу. Что-

то невидимое сдерживало их желание заговорить со мной. Позже загадка разрешилась: причиной было... моё звание. В равном со мною звании – майор – был лишь директор тюрьмы, единственный на всю тюрьму капитан да несколько лейтенантов и мечтать не могли подойти и запросто заговорить со старшим по званию. Откуда им было знать, что система чиновничества в России и США столь различна, что по американским меркам я бы имел чин сержанта полиции. А вот о субординации и дисциплине поведение американских офицеров говорило само за себя: без разрешения начальника нельзя обращаться к старшему по званию, даже если он иностранец. Если такие порядки царят в провинциальной полиции, можно лишь догадываться о дисциплине в регулярной армии США.

Пообщаться с офицерами тюрьмы округа мне так и не удалось.

– Сэр, – сержант-надзиратель обратился к майору. – Сэр, за одним из русских по фамилии Измайлов приехали, его ждут в офисе шерифа.

Директор едва заметным движением показал мне, что я могу следовать за сержантом. Офицеры расстроено переводили взгляд с меня на директора, видимо надеясь, что майор задержит меня. Но чуда не случилось.

Сержант взял меня под конвой и, бодро вышагивая, повёл к выходу. И хотя сержант шёл впереди меня, а не сзади, как ведут заключённого, всем своим видом он показывал, кто здесь хозяин. Стоило ли спорить? В тесноте тамбура, пока двери открывались со скоростью черепахи, сержант начал бесцеремонно разглядывать меня. Перед моим носом то и дело со свистом пронеслась связка ключей, которую мой «гид» раскручивал на пальце. Почему-то мои погоны заинтересовали его особенно. Наконец он самодовольно спросил:

– Лейтенант?!

– Нет, майор.

Произошло чудо: сутулый сержант уронил ключи, вытянулся как струна, оглушительно щёлкнул каблуками и звонко, по-армейски, но в то же время почти умоляюще выкрикнул:

– Простите, сэр! Сэр, я не хотел вас обидеть! Я... Я... Сержант Ричард Твипп, сэр! Я слишком давно служил в армии и уже забыл русские знаки различия, я спутал ваши погоны с погонями младшего лейтенанта! Сэр, не говорите никому об этом...

От такого поворота дел я и сам поначалу растерялся. За шесть лет в армии сцен подобострастия перед начальством я насмотрелся. Но чтобы в струнку тянулись перед незнакомым иностранным офицером!..

До расставания с сержантом я боялся, не случился бы с ним сердечный приступ. Уже не страх перед старшим по чину, но обида за себя, что так неумело высунулся, да ещё перед русским, снедала сержанта изнутри. Беспрестанно извиняясь, он объяснял причину ошибки. В период объединения обеих Германий он служил в Западной части в Американской группе войск. Его часть получила приказ занять военную базу, с которой уходили русские; накануне встречи с русскими солдат заставили вы зубрить знаки различия российской армии. Давно это было, позабыл. За рассказом мы пришли к выходу, где Карл Эшли уже стучал пальцем по часам: нас ждут в полиции, опаздывать нельзя, это Америка.

Сержант пристыженно прощался, а мне захотелось сфотографироваться с ним на память. Карлу мысль понравилась, а сержанта она вновь повергла в трепет:

– Сэр! Офицер хочет сфотографироваться с сержантом?! Это честь для меня!

Обменявшись на прощание электронными адресами, мы тепло расстались. Пока машина Карла мчалась по аллее к шоссе, на крыльце тюрьмы всё стоял и махал нам вслед сержант Твипп.

Как я был сержантом полиции США

Удовольствию поработать в местной полиции я обязан мистеру Карлу Эшли. Член городского клуба, он воспользовался приглашением на собрание местного шерифа, Стивена Оэрлика, к которому обратился с просьбой посодействовать российскому гостю.

Всё оказалось проще простого. Законы позволяют налогоплательщику в ряде случаев контролировать работу бюджетных организаций, в том числе полиции, а поскольку финансовые законы США устроены так, что на пребывание нашей делегации выделены облагаемые налогами средства, то я, как официальный налогоплательщик, мог удовлетворить своё любопытство, воспользовавшись таким правом на законных основаниях. Я получил на руки анкету-заявление на участие в «Drug Raid» (полицейская операция по борьбе с наркотиками) с инструкцией, в которой обязывался безоговорочно подчиняться дежурному офицеру полиции и не проявлять самостоятельности, и бланк-расписку, поясняющую, что рейд «опасен для жизни и здоровья» и полиция не гарантирует участнику безопасность, в связи с чем предлагалось письменно отказаться от претензий к полиции в будущем. Заявление и расписку я заполнил в присутствии адвоката, мистера Си.Р. Паркера, и направил их по факсу шерифу. Через пару дней

Карла уведомили, что ФБР и миграционная служба дали положительное резюме, и предложили мне прибыть со сменной одеждой в Управление шерифа округа Алачуа в указанное время.

Прервав тюремную экскурсию, я прибыл в окружную полицию. Сержант Джек Джекобс встретил меня поначалу недружелюбно. Быстро я понял, зачем просили взять меня сменную одежду: Досмотреть меня оснований у полиции не было, а в раздевалке сержант без лишних хлопот смог оглядеть меня с головы до ног. После короткого теста на знание языка Джек представил меня капитану. Фантастического роста и комплекции афроамериканец протянул руку, способную затмить солнце. Сославшись на занятость, капитан вежливо предоставил нас с Джеком самим себе.

Явно настроенный ко мне как к обузе, Джек, соблюдая формальную вежливость, повёл меня на экскурсию по зданию. Даже пройдя в течение дня по управлению не один раз, я так и не смог запомнить расположение кабинетов, входы и выходы. Способствовал тому и большой ремонт, который я застал, разветвлённые коридоры были заставлены мебелью, инструментами и стройматериалами.

Каждую свободную минуту я использовал для расспросов Джека о полицейской работе, всё, что видел, сравнивал с российской действительностью. О всей полиции сказать не могу, но тактика выявления и раскрытия наркопреступлений и в Америке, и в России одинаковы. Благодаря этому Джек вскоре раскрепостился, и мы понимали друг друга с полуслова.

Ожидая увидеть оснащённые по последнему слову техники рабочие кабинеты офицеров полиции, но всё оказалось гораздо прозаичней. Скромные, а у некоторых офицеров прямо-таки крохотные кабинеты с необходимым набором оргтехники, какие имеют многие сотрудники правоохранительных органов в России в наши дни. Только больше сентиментальности и патетики: на стенках и полочках фотографии членов семьи, непременно детей, друзей, памятные знаки и сувениры. В кабинетах офицеры занимаются делами, которые посторонний глаз видеть не должен. А для общения с гражданами, бесед и допросов, совещаний оборудованы рабочие места в специальных залах, которые мы привыкли видеть в полицейских боевиках. Стоят в огромном зале столы вплотную один к другому, телефоны, компьютеры, муравейник, одним словом. Суэта, поговорить с человеком откровенно трудно, но невозможно оказать физическое или психическое давление на задержанного или сговориться с ним, вокруг масса свидетелей.

На складе полицейской спецтехники Джек пока-

зал мне обычную бейсболку со скрытой видеокamerой величиной с булавочную головку. Мечта оперативника. Остальные их приспособления в сравнении с российскими аналогами можно описать так: если наш прибор умещается в чемодан, то такой же у них – размером с борсетку, наш прибор с борсетку – у них величиной с пачку сигарет, а наш – с пачку сигарет, у них – с авторучку. А так всё то же самое.

Проводить аналогии между нашей милицией и американской полицией – значит сравнивать неравное. В США существование полиции как института исполнительной власти основано на конституционном праве граждан защищать свои права и законные интересы, в т.ч. вооружённым путём. Полиция учреждается муниципальными властями и никому, кроме мэра, не подчиняется, а выборные шерифы подчиняются только закону. Учреждают свою полицию и штаты, но каждый полицейский орган правомочен только в рамках своей территории и местных законов. Полиция штата, к примеру, не имеет права расследовать правонарушения против местных законов. Если сравнивать с основой наших правоохранительных органов, которые учреждены как способ конституционной гарантии со стороны государства безопасности граждан, то станет ясно, что инициатива охраны порядка в США исходят снизу, а у нас – сверху.

Доктриной американской правоохранительной системы является восстановление закона. В России цель всех спецслужб – достижение численных показателей выявляемости и раскрываемости преступлений. Когда одного офицера полиции я спросил, сколько выявлено наркопреступлений, на меня посмотрели как на инопланетянина. Зачем мне это знать? Летом 40 000 студентов уезжают по домам, город пустеет, наркотики исчезают. Полиция вздыхает свободно. У нас бы вся милиция стояла на ушах и бегала с мыльной шей в поисках преступлений.

В США есть два способа организации полиции: управления полиции и шерифы. Управления учреждаются в основном мэрами в больших городах, например, Чикаго, Бостоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе. Мэр назначает начальника полиции из авторитетных граждан. Начальник подчиняется исключительно мэру, он набирает состав управления, и принцип его руководства чем-то схож с централизованным управлением органами власти в России.

Небольшие муниципалитеты обычно избирают должностных лиц, в т.ч. шерифа. Баллотироваться в шерифы может любой гражданин, став шерифом, он приобретёт статус офицера полиции. Шериф формирует свой штат, официально его сотрудники называются помощники шерифа, это для

нас они все полицейские. Формально шериф не подчиняется никому, хотя контроль за его деятельностью осуществляют специальные попечительские советы, прокуратура и СМИ. В прошлом шериф набирал себе помощников из добровольцев, отчего поныне личный состав управлений шерифов имеет статус «помощников шерифа» от рядового патрульного до заместителей.

Обе системы имеют больше общего, чем различий. Начальник полицейского управления и шериф – должности представительные. Их заместители: ассистенты (assistant, помощники, консультанты) и исполнительные офицеры (executive officer, подобие инспекторов). Непосредственно полицейской работой занимаются специальные офицеры – капитаны. Если в российской милиции начальник руководит сотрудниками через заместителей начальника по криминальной милиции, общественной безопасности, БЭП и т.д., то в Америке командир один – капитан. Чтобы стать капитаном, непременно надо пройти все ступени служебной лестницы, начиная с патрульного, поработав детективом (причём обязательно пройти через убийный отдел), аналитиком, тыловиком, кадровиком... Капитан – это суперпрофессионал. Ниже стоят лейтенанты (начальники отделов, групп), затем сержанты (детективы по особо важным делам, старшие патруля). Как и для остальных силовых структур в США, для полиции характерно тождество понятий должность-звание.

Заранее зная их организацию, я поспешил разъяснить сержанту Джекобсу, чтоб мое звание его не смущало, что по американским меркам я старший оперуполномоченный по особо важным делам – сержант полиции. Удивление его сменялось вздохом радости и облегчения. Майор для муниципальной полиции величина космическая. При их представлениях о субординации, сержанту командовать майором в рейде – событие из ряда вон.

Чуть позже один ветеран нью-йоркской полиции рассказал, что капитаны инструктируют ежедневно патрульных и детективов, а по окончании патрулирования «снимают» информацию с патрульных, организуют подведение итогов с детективами и следователями. Как будто бы всё это делается и у нас, но американцы всё же берут организацией труда, результат не заставляет себя ждать. Патрульные и детективы работают обычно в паре. С напарником работать веселее, но есть и другая сторона медали: федеральные законы обязывают должностных лиц общаться с гражданами в присутствии другого чиновника. И профилактика коррупции: двоих купить сложнее.

Так как патрульные и детективы формально в од-

ном звании – офицер полиции (нет у них рядовых) и каждый детектив в прошлом патрульный, то и найти им общий язык труда не составляет. Патрульные охотнее обращают внимание на ориентировки детективов, ищут информаторов. Это их шанс выбиться в детективы и получить повышение. В том же Нью-Йорке капитаны, со слов бывшего полицейского, примечали наиболее одарённых патрульных, давали им целевые задания, привлекали к расследованиям, готовили к переводу в детективы. Залогом продвижения по службе становятся исключительно личные данные и опыт практической работы. Но даже при выдающихся способностях «взлететь» по служебной лестнице невозможно: отслужи на каждой ступеньке минимально установленный срок. Так, после академии обязательна служба патрульным не менее 5 лет.

Вообще же, полицейским может стать каждый молодой, несудимый, физически здоровый человек после окончания колледжа. Шесть месяцев в полицейской академии (самый обычный Учебный центр, какой есть при каждом ГУВД или МВД субъекта Федерации в России) – и ты «С.О.Р.», *commission officer of policy* (кадровый офицер полиции, официальный термин). Других учебных заведений для полиции не существует. И если в российских правоохранительных органах офицером без диплома вуза не стать, то можно сказать, что в Америке повышают не за количество знаний и наличие «корочек», а за профессиональный уровень и реальные заслуги.

Правда, некоторые полицейские учреждения практикуют курсы повышения квалификации или обучающие семинары, иногда платные. Курсы могут быть и заочными. В свободное время можно посещать курсы детективов, следователей и других специалистов. Затем слушатели зачисляются в резерв на замещение вакантных должностей. После открытия вакансий желающие сдают экзамен. Комиссия отбирает двух лучших кандидатов, одного из которых начальник или шериф выбирает единолично. Если нет достойной пары претенденту на вакансию, приглашают желающих из соседних участков и даже штатов. Цель – найти лучшего из лучших, избегая любых подозрений в фаворитизме. Руководящий состав, кроме выборных шерифов и назначаемых заместителей, подбирается так же. Так американцы гармонично сочетают демократические принципы и единоначалие. Карьеризму и блату препятствует установленная выслуга лет в каждой должности, ранее которой никто не вправе рассчитывать на повышение. Наиболее честолюбивые размещают в Интернете на специальных полицейских сайтах свои резюме, надеясь получить приглашение на службу в другую местность.

Примечательно, что в Америке отсутствует единая полицейская униформа. Власти одевают полицию по своему усмотрению. Принятые стандарты формы призваны обеспечить узнаваемость полиции по всей Америке. Говорят и цвета формы: серо-синий с чёрной отделкой обычно у полиции больших городов, чёрный – у полиции городов поменьше, зелёный – у муниципальной, кремовый – у труперов (trooper, что-то среднее между российской транспортной милицией, ГИБДД и транспортной инспекцией) и т.д.

Полиция по доходам стоит внизу социальной лестницы общества, и быть полицейским не очень-то престижно. Знакомых нам окладов в полиции нет. Руководители полиции сами определяют годовое содержание личного состава, исходя из выделяемого бюджета. Потому доходы полицейских в разных уголках страны могут разительно отличаться. В посещаемом нами округе есть «вилка» от \$ 36 000 до \$ 48 000 в год. Вот и вся разница между рядовым патрульным и шерифом. При 27% подоходного налога на руки выдается не так уж и много. От откровенной бедности офицеров спасает обязательное социальное страхование за счёт бюджета, иначе социальные выплаты сделали бы службу попросту убыточной.

Парадокс системы в том, что низкие заработки препятствуют текучке кадров: банки с удовольствием кредитуют полицейских, их невысокие, но стабильные доходы позволяют при низкой процентной ставке покупать офицерам уже с пятилетним стажем недорогие дома в рассрочку на 20-30 лет, как раз до пенсии. Попробуй грость службу – лишишься жилья, машины и т.д. С другой стороны, редкая работа позволит людям со средними способностями и образованием, а их большинство в полиции, заработать себе достаток и обеспеченную старость. Это немалый стимул к выбору и продолжению работы. После службы принято на выходное пособие покупать недвижимость для перепродажи или сдачи в аренду. Три-четыре сделки, и ветераны полиции получают неплохую прибавку к пенсии.

Имидж службы поддерживается и искусственно. 11 сентября 2001 года по стечению обстоятельств немало способствовало повышению престижа полиции. В каждой сувенирной лавке полно гипсовых фигурок полицейских: и с национальным флагом, и спасающих детей, и тушащих с пожарным огонь... Но нигде не видно шуточных или уничижительных фигурок наподобие сувенирных гаишников в наших магазинах.

Автономность правоохранительных органов ничуть не мешает их взаимодействию. Достаточно телефонного звонка, факса, чтобы офицерам

одного участка помогли соседи, и никаких тебе рабочих встреч, совещаний, планов взаимодействия. «Палки», т.е. значимые для статистики выявленные преступления, делить незачем, поводов для противостояния нет. Просто позвонил и договорился. Российская поговорка «лучше всего правоохранительные органы борются друг с другом» не для Америки.

Как раз капитану позвонил таможенный лейтенант. На имя студента университета Флориды поступило письмо из Югославии с таблетками стероидов. Суд немедленно выдал таможене приказ об аресте адресата (по российским законам – настоящий правовой беспредел!). Но не хватало людей для его задержания. От управления шерифа отправили Джека и с ним меня, отправили патрули от всех местных участков, которых оказывается три и все независимые. Арестовали быстро и без проволочек. Задержанному зачитали права и досмотрели без понятых и добровольной выдачи.

Оказалось, в правовом государстве права зачитывают всего один раз, протоколов об этом не составляют. Объясняют просто: во-первых, граждане страны знают права человека из школьного курса Конституции США, во-вторых, в стрессовой ситуации, такой, как арест или иное следственное действие, память подводит, без толку права повторять, в-третьих, каждому предоставляется право на защиту, которая и занимается обеспечением прав граждан. Почему всё-таки не доводят права под роспись? Кому надо, всё равно заявят, что пустой бланк дали подписать. Главное, нарушитель – твой же соотечественник, гражданин твоей же державы, и ограничивать его в гражданских правах даже как бы и непатриотично.

Решительно следят за соблюдением законности полицейскими прокуратура и суды. В окружном суде Гейнзвилла ежедневно рассматривалось 7-8 дел в отношении офицеров полиции по обвинению их в превышении полномочий или злоупотребления ими. Свидетелем прокурорского расследования стал и я.

За полгода до моего посещения США сержант Джекобс арестовал семейную пару сбытчиков кокаина. После недолгих препирательств женщина согласилась сотрудничать со следствием, но её сожитель категорически отказался от общения и всё отрицал. Наконец за неделю до передачи дела в суд он обратился с заявлением к помощнику судьи о том, что был информатором Джекобса, помог разоблачить свою жену, злостную сбытчицу, но неблагодарный Джекобс его же и арестовал. Специальный прокурор возбудил прокурорское расследование.

В маленьком уютном домике с блёклой вывеской «Drug Crime Attorney» (Прокурор по делам о наркопреступлениях) в тихом живописном районе местные детективы заручались ходатайствами на судебные решения и проходили процедуры прокурорских расследований. В открытой, раскрепощённой обстановке, после присяги на Библии, под стрёкот стенографистки (и никаких протоколов!), Джек сухо отверг все обвинения. Прокурор и его адвокат (есть такие должности в системе правовых органов США) извинились за возникшие подозрения и оправдывались за вынужденные неудобства. Пять минут на всё про всё.

Демократичность обстановки и отношений неслыханны. В ожидании приёма секретарь прокурора выносила ожидавшим посетителям прохладительные напитки и закуски, всё бесплатно. А перед началом допроса прокурор предложил мне самому заварить кофе-чай и взять угощение. К моим услугам был целый бар с кофеваркой и иными кухонными приспособлениями, холодильник и шкаф с продуктами. Всё это казалось похожим на розыгрыш. Джек подталкивал под руку, мол, тут так принято, не надо стесняться, но воспитание не позволило... Оставалось фантазировать, как российские следователи и опера дискутируют с прокурорами, расхаживая по их кабинетам с кружкой кофе и бисквитом.

Несмотря на то что штатовские сыщики работают точь-в-точь как наши, антинаркотическая политика, организация труда и техническое оснащение при внешней схожести сравнению не поддаются. Описал Джек отношение к крупным наркодельцам: практика идёт по пути их освобождения после ареста под залог. Как только назначается сумма залога, включаются все механизмы отслеживания денежных потоков. К моменту перечисления денег на залоговый счёт правоохранные органы успевают вычислить банковские счета преступников, их покровителей и сообщников. Выпущенные под огромный залог, дилеры поголовно бегут из Штатов. Так, крупная «рыба» на вполне законных основаниях откупается от правосудия, в тюрьму попадают дилеры низшего или среднего уровня.

Детективы злятся на суды, но признают, что пути в Америку злодеям уже нет, там их ждёт пожизненное заключение, а финансовый провал обесценивает их положение в криминальной среде. С падением очередного «короля» рассыпается его «империя». Поимка наркобарона часто влечёт разгром всей его сети и без участия полиции.

Ближе к вечеру Джек предупредил, что предстоит задержание наркодилера средней руки. Мне довелось стать свидетелем подготовки и проведения не масштабной, но блестящей по планированию и ор-

ганизации спецоперации. В ту пору подобного в российских правоохранительных органах видеть не доводилось. Из разговора с коллегами я понял, что сейчас назначен инструктаж с участниками операции. Джек предупредил, что нас ожидает группа S.W.A.T., полицейский спецназ.

Большое помещение со встроенными шкафами, креплениями на стенах и потолке, складной мебелью, тренажёрами, спортивным инвентарём, мультимедийным оборудованием служило одновременно и конференц- и спортзалом. Джека ждали десятка полтора великолепно экипированных спецназовцев и обедавшие с нами до того детективы. В стороне подчёркнуто обособленно стояли уже знакомый мне лейтенант Джимми Лямбаргер и невысокий плотный человек лет сорока с бейджем на груди. Оказалось, он-то и есть командир S.W.A.T., капитан. При моём появлении зал сильно оживился, были очевидны интерес и враждебность: на такие мероприятия чужакам хода нет, тем более что личности участников акций держатся в секрете.

Джек быстро меня представил, после чего в аудитории началось волнение. Капитан гаркнул на группу, зал утих, и рыжий детектив приступил к докладу. После летних каникул студент мексиканец привёз от брата партию кокаина, решив заработать на учёбу и отдых. А заодно нелегально приобрёл у родственника пистолет полицейского образца, запрещённый к гражданскому обороту. К нему внедрили агента, девушку, которая уже провела несколько контрольных закупок наркотика (control buying). В последний раз, когда она посещала дом дельца, он был полон гостей, которым хозяин демонстрировал своё оружие, хвалясь, что открывает огонь по любому копу, если тому вздумается войти в его дом.

Изложив суть дела, детектив пустил по рядам фотографии фигуранта и его связей, и всех, кто мог бы находиться в доме, а также фото дома. Пока спецназ изучал снимки, сыщик накидал на доске внутренний план дома, первый и второй этажи. Бегло дал характеристику жилого квартала, соседей, строения, конструкции дверей и окон и пр. Описал, где и что может лежать. Затем довёл свой план: провести очередную закупку кокаина и ворваться в дом на плечах закупщика. Схема, известная и у нас в России. Вопросы, возражения?

Демократично и деловито. По очереди спецназовцы задавали вопросы, делали дополнения, делились соображениями. Очередь дошла до лейтенанта и капитана. Выступили и они, подводя итог дискуссии. Оба обратились с вопросом к Джеку, что там с таблицей, что делать в случае сопротивления? Джек передал лейтенанту какую-то сводку, сообщив: «Код 24». Что за загадочные цифры?

Джек попросил лейтенанта показать мне таблицу и дать пояснения. Было время, когда применение оружия порождало массу проблем, всегда находились причины поставить под сомнение целесообразность и законность действий стрелка. Анализ применения оружия установил, когда это признается законным и необходимым. Так родилась балльная таблица. В ней разным обстоятельствам дела были присвоены баллы, сумма которых указывала на правомерность и необходимость применения оружия. При сумме баллов 24 и выше применение оружия было бесспорно правомерным. Высокие баллы имели сведения о наличии санкции суда на арест и обыск фигуранта, наличии у него оружия, намерения его применить, известные факты сопротивления властям. Учитывались криминальный опыт и стаж, физическая форма подозреваемого и т.п. Была и нижняя шкала, при которой применение оружия запрещалось. Таблица прилагалась к материалам уголовного дела.

На этом инструктаж не окончился. План операции подлежал голосованию. Голосовали по очереди, высказывали аргументы, сомнения, предложения. После голосования, т.е. принятия принципиального решения, стали обсуждать детали, кому что делать, какое снаряжение и оружие брать. Здесь произошёл курьёзный случай, незамеченный присутствующими, но приметный для меня. Молодой сотрудник положил ноги на стол перед собой и громко с места выступал. К нему тихонько подошёл капитан и стал сосредоточенно и строго смотреть на парня, пока тот не перехватил взгляд. Парень в смущении убрал ноги, капитан удовлетворённо молча отошёл.

Тут только я заметил маленькую, хрупкую с виду молодую женщину, Бриджит. Она, офицер спецназа, как оказалось, и была той самой закупщицей, сумевшей внедриться в доверие к наркодилеру под легендой наркоманки. Лишь когда она встала, под тесной футболкой показалась стройная натренированная фигура, указывающая на нерядовые физические возможности этой «железной леди».

Подготовка к реализации окончилась общей молитвой. Я повернулся к выходу, полагая, что все обсуждения завершены, но Джек одёрнул меня. Сухо извинившись, он пошёл к внезапно скучившимся товарищам, протянувшим руки в центр группы или положившим их на плечи впереди стоявших. Все опустили на одно колено, склонили головы, правую руку прижали к груди. Остался стоять один офицер, вытянувший руку, на которой лежали ладони ближайших коллег, внештатный капеллан. Торжественно стал он произносить молитву. Я бестолково переминался с ноги на ногу, когда решил вдруг помолиться шёпотом, благо знал некоторые пра-

вославные молитвы. Сказывалась непривычка публично выражать свою религиозность. Полицейские хором произнесли «аминь».

Джек объявил вслед, что сбор назначен на восемь вечера. Спецназ выходил, бурно обсуждая, кто какое оружие возьмёт. На стоянке машин Джека ожидал офицер. Багажник его автомобиля, припаркованного вплотную к трассе, был набит оружием. Я ошалело уставился на груды автоматов и винтовок. Джек с минуту поколебался и выбрал многозарядный дробовик. Затем отнёс ружьё в свой джип и предложил показать мне центр службы 911, пока позволяло время.

Центр управления был выбран не случайно. Здесь работала жена Джека. Следователь полиции перешла на более спокойную работу в службу 911 после рождения детей. Весьма привлекательная, даже красивая женщина с признаками латиноамериканского происхождения встретила нас с искренней радостью, которую она не могла выразить в полной мере из-за непрекращающихся вызовов. Судя по петлицам – лейтенант. А муж сержант.

Моё внимание привлекли огромные мониторы с информацией об обстановке в районе. Электронная карта выдавала точку вызова, всевозможные сведения, ближайшие патрули, пожарные депо, аварийные службы, кратчайшие маршруты следования от них к точке вызова. Компьютер автоматически связывал диспетчеров с необходимыми специалистами, подсказывал необходимые действия. Это было поразительно. Вместе работали полицейские, пожарные, медики.

Семейная пара повела меня по зданию. Крепость. Построенное в зоне ураганов и океанских тайфунов, сооружение представляет собой почти герметичное железобетонное убежище с многометровыми стенами. Мощный компьютер принимает спутниковую информацию о погоде и может автоматически закрывать металлические ставни на окнах, включать принудительную систему вентиляции, запускать автономное питание, открывать артезианскую скважину под землёй. Под землёй таился этаж – близнец надземного – для замены верхнего собрата в экстренных ситуациях. В центре здания расположен зал управления округом, место работы местных властей в случае стихийных и иных чрезвычайных бедствий, он же – резервный центр управления для губернатора штата. И это всё было не просто банальным кабинетом со столами, картами и компьютерами, но и отелом средней руки с жилыми помещениями и возможностью длительной работы в автономном режиме. Крыша и стоянка перед центром могли принять вертолёт.

Парочка смущённо обнялась, стесняясь чужого присутствия. Получив задание позаботиться о детях утром, Джек отправился со мной в управление, где спецназ тренировался и выбирал оружие. Бойцы находились в полицейском автобусе, сиротливо стоявшем на задворках управления. Сиденья его и проход были в полметра высотой завалены... оружием. Первый и, наверное, последний раз в жизни видел я, как люди ходили, спотыкаясь, вытаскивая провалившиеся ноги, между винтовок и автоматов, разгребая завалы в поисках подходящего образца.

Ещё раньше, когда мы с Джеком в самом начале нашей встречи выходили из машины, он бросил на сиденье пистолет в кобуре. Тогда поразило меня отношение служащих полиции к табельному оружию, но вопрос застрял у меня в горле. Теперь нескромно спросил, неужели же всё это не охраняется и как можно оставлять без охраны стволы? В ответ я услышал смех. Комментарий можно свести к отечественному анекдоту: «Водителю такси, нашедшему в своей машине оставленные пассажирами секретные документы, предлагается повеситься самому».

Спецназовцы, обвешанные снаряжением, в касках, масках, фосфоресцирующих очках напоминали воинов из фантастического блокбастера. Чёрно-зелёная форма на фоне тропической ночи превращала их в зомби, сверкающих пустыми глазницами. Спрятавшись в маленьком микроавтобусе, они несколько раз выскакивали в колонну по два из откидывающейся дверцы, после того как автобус предварительно разогнался и резко тормозил перед чёрным входом в управление.

С дикими криками: «Лежать! Стоять! И ... мать!» – команда S.W.A.T. с невероятной скоростью врвалась в здание, уверенно рассыпаясь внутри, влетая поочередно во внутренние помещения. Поразительно, как, выпрыгивая из ещё движущегося автомобиля через узкую дверцу, спецназовцы, не мешая друг другу, проникали в дверной проём. Зрелище напоминало бы показное выступление, если бы не знать, что вот они, эти самые парни, простые лица которых я видел два часа назад, вскоре пойдут на захват реально вооружённого преступника, решившего открывать огонь по тем, кто служит закону.

Мои наблюдения прервал Джек, положив руку на плечо. Сзади стоял и капитан. Пора идти. Из багажника своего «Форда-экспедишн» Джек извлёк дробовик и два бронежилета, один протянул мне. Помогая мне надеть бронежилет, капитан объявил, что старший в зоне действий он, я должен следовать его указаниям и идти за ним след

в след. Джек выполнял роль координатора. Его рация была настроена на диктофон Бриджит, который служил радиозакладкой и действовал в пределах полумили.

Динамик сухо потрескивал от морозящего дождя, передавая плеск шагов Бриджит по лужам. Спецназ из своей машины переспрашивал, как дела? «Any activity», – знакомо отвечал Джек. Нет движений. Ну совсем как у нас в России.

Слышно было, как Бриджит постучалась в дом фигуранта, сообщила, что в окнах горит свет, внутри тени и голоса. Минуты три никто не открывал, а после щелчка замка Бриджит искусно, как взаправдашняя наркоманка или отличница театральных курсов, униженно запричитала, запросила кокаин. Хозяин настойчиво отказывал, нет у него и всё, больше не приходи. Ну не закрывай дверь, ну пожалуйста... Бриджит играла натурально, наяву виделось, как она картинно хватает дилера за руку, падает на колени, заискивает... Ты, только ты можешь спасти меня сегодня...

Ясно. До Джека доходит, что осторожный мучачо рвёт с клиентами после двух-трёх закупок и другого случая не будет, доказательств достаточно, ждуть больше нечего, решение за капитаном. Рвущая плоть команда босса разрезала дремоту ожидания: «Everybody!!! GO-O!!!» S.W.A.T. внёс, буквально вломил селевым бурлящим потоком Бриджит и наркодилера внутрь дома. «Мы в доме, босс! Объект закреплён (знакомо, боже, как знакомо!)! Проверяем территорию!» – отчитался по рации лейтенант Джимми Люмбаргер.

Капитан с Джеком облегчённо вздохнули, «форд» въехал в тёмный квартал со скученными мрачными двухэтажными домиками. У дома фигуранта скопилась стайка подростков, несколько девушек растерянно метались, кто-то кричал, плакал, звал полицию. Из некоторых домов высывались хозяева, отовсюду спрашивали, что случилось, кто это в масках и с оружием? Джек пояснил мне, что это район муниципальной застройки, дома и квартиры в нём сдаются малообеспеченным людям, следят за собственностью не ахти как внимательно, обстановка и нравы тут соответствующие.

Капитан выпрыгнул с места, указав мне спрятаться за машиной. Прикрикнул на молодёжь, чтобы шла по домам. Через полминуты прислал спецназовца, который сообщил мне, что всё безопасно и капитан приглашает меня войти и осмотреться. Джек всё это время с дробовиком на изготовку ждал на углу ближайшего дома. И это был не полицейский боевик.

У входа в дом толпились бойцы S.W.A.T. «Good

job!» – хлопали они друг друга поднятыми вверх ладонями. «Хорошо сработано!» – оставалось присоединиться мне к общему удовлетворению. Лейтенант Люмбаргер, до этого флегматично относившийся к моему присутствию, глазами выразил заинтересованность в моей реакции на их не показательные, а боевые действия. Можно ли было ему отказать в искреннем и неподдельном восхищении? Почти счастливый и довольный, лейтенант с частью бойцов отбыл.

Следуя за пригласившим меня бойцом, я вошёл в старый дом. У входа, распластанный на полу, лежал в пластиковых наручниках массивный, с явными признаками излишнего веса (пишу политкорректно, по-американски, читатель пусть понимает как знает) мексиканец. Пыхтя, он просил, чтобы его перевернули на спину, задыхается. Почти пинком боец спецназа исполнил просьбу. Обливаясь потом, источая резкий запах пота и страха, мексиканец жалобно причитал что-то про ошибку. В ответ его довольно грубо пару раз тряхнули и отволокли на водяную кровать в центре комнаты. Там уже лежала его стройная сожительница. Едва оказавшись рядом, они начали тараторить по-испански. Трижды рывкнув, чтобы они заткнулись, полицейские оттащили девушку в угол комнаты, а злодею затащили потуже наручники. Давя на жалость, мексиканец подобострастно ублажал полицейских лестью и градом оправданий. Мне показалось, что я в России, вот только по превратности случая окружающие меня люди разыгрывают сцену и назло говорят по-английски и по-испански.

Внутри старый дом оказался просторным. Первый этаж – большая комната с кухней и совмещённым санузлом. Лестница вела на подобие балкона, чего-то вроде этажа-комнаты. Там же на втором этаже располагалась небольшая гардеробная комната. Кухня была едва прибрана, а ванная с туалетом вызывали однозначную ассоциацию с бомжатником. Слой ржавчины и слизи на трубах и ванной, грязных осадков и паутины по углам помещения... Джек пояснил, что вот это и называется муниципальным жильём. 300 долларов в месяц. М-да...

Тем временем рыжий детектив, бывший в доме до меня, извлёк из кармана клочок бумаги и обратился к мексиканцу, мол, буду тебе права читать. Я оглянулся, беспомощно выглядывая понятых по привычке. Но рыжий дежурно бубнил права.

– Ясно? – закончил он.

– Нет...

– Не-е-ет?! Чего тебе не ясно?! – потянулись к нему спецназовцы.

– Да ясно, ясно, чего вы, парни! Это ж шутка была!..

Затем рыжий ткнул мексиканцу в лицо листок, «search warrant», санкция суда на обыск, а затем и «arrest warrant», приказ об аресте. Мексиканец понял, что свет его надежд окончательно потух, и беспомощно, со вздохом отчаяния, завалился на водяной матрас. Стоя над поверженным противником, рыжий объявил ему, что сейчас начнётся обыск. Но арестованный уже впал в прострацию и никак не реагировал на предложение добровольно выдать имеющиеся в доме наркотики и оружие. Три детектива и спецназовец как муравьи расползлись по помещению.

Ничего нового в тактике обыска для себя я не увидел, кроме как способ фиксации его результатов. Обнаруженный сразу же в кухонном шкафу пистолет вплотную сфотографировали на цифровую камеру, зафиксировали затвор в крайнем заднем положении и вдели через казённый и ствол пластиковое кольцо с зажимом с биркой «evidence», доказательство. Пистолет положили в пакет и отметили в многостраничной анкете галочкой. Анкета эта, как мне кратко пояснили, аналог нашего протокола обыска, среди множества позиций ты выбираешь нужную и ставишь отметку, собранные воедино, эти показания дают картину обыска, писать ничего не надо.

Джек вдруг спросил меня громко, чтобы все слышали, хочу ли я вернуться в Штаты. Я чувствую подвох, отвечаю, что есть ещё дома дела. «Тогда не трогай ничего, НИЧЕГО НЕ ТРОГАЙ РУКАМИ! Любой отпечаток пальцев, и ты – минимум свидетель, а это вызов в суд». Остаток времени я проходил, держа руки в карманах.

Вскоре под мойкой нашёлся пресс, которым из порошка кокаина выдавливали таблетки. Стенки и дно механизма были покрыты слоем наркотика. К мексиканцу уже несколько раз обращались с вопросом, есть ли в доме наркотики, но он лишь, безразлично глядя в потолок, отрицательно вертел головой. Обыск шёл уже второй час. Джек начал нервничать, должны быть наркотики, должны, он вчера получил партию, никуда не ходил, никого не принимал, куда он мог их спрятать? От досады полицейские переворачивали кровати, матрасы, вытряхивали шкафы. Жандармский обыск в квартире большевика-подпольщика, как на лубяных картинках из пионерских учебников истории.

Покуда мы с Джеком бесчинствовали наверху, снизу прогремел голос сержанта-бодибилдера, который накануне был в прокуратуре, где оправдывался Джек:

– Еду с дежурства, смотрю, бегают испуганная

молодёжь, все кричат: «Там! Там!» Надо, думаю, заехать посмотреть, сообщил диспетчеру, чтобы вызвала патрули, а мне говорят, там обыск. Вот и подумал, обыск на моём участке, а я не в курсе? – внизу у входа стоял невероятного физического сложения полицейский. Даже габаритный пистолет и громоздкая рация у него на поясе смотрелись игрушечно. Скрестив ручищи на груди, он изучал арестованного.

Джек кратко изложил ему суть дела. Понимающе кивнув головой, сержант попытался присесть на обувную тумбочку у входа. Ему мешала коробка из-под обуви, лежавшая у самой двери. Все входящие ногами отпихивали её в разные стороны. Культурист случайно задел её ногой, крышка отлетела в сторону.

– Парни, а вы не это ищите? – поднял сержант коробку на всеобщее обозрение. Внутри лежали двадцать четыре пластиковых пакетика, плотно набитые кокаином. Было забавно и досадно, потратили два часа на поиски, пинали коробку все кому не лень, и никто не догадался открыть! Я несколько не злорадствовал. Тем более что был с ними и так же отчасти нёс ответственность за промах.

Джек принёс из машины ящик, где лежали всевозможные анкеты-протоколы, пакеты для вещдоков и маленькая лаборатория с тестами для наркотиков. Принимал вещдоки и заполнял протокол один из оставшихся на месте спецназовцев. Он позвал меня и, высыпав на стеклянную пластинку порошок, капнул в него реактивом. Смесь окрасилась в синий цвет. Кокаин, заключил он и пометил что-то в протоколе. «А если нет?» – поинтересовался я. Спецназовец на минуту взглянул на меня, потом повторил манипуляции и облегчённо выдохнул – кокаин.

Неужели этого хватит, чтобы осудить человека, нужна ведь экспертиза? Мне объяснили систему доказывания. Во-первых, мини-тесты имеют высокую степень надёжности, разработаны известными фирмами с мировым именем и опытом. Во-вторых, если фигурант будет возражать против их использования, назначат экспертизу, её проведут в лаборатории L.E.D. (оказывается, туда попадают далеко не все вещдоки!). Вот только если исследование подтвердит тесты, подлецу кранты. Здесь не любят, когда выкручиваются. Засудят по полной программе и обяжут оплатить стоимость экспертизы.

Часы показывали за полночь, мне следовало возвращаться. Джек и остальные полицейские с явной неохотой провожали меня. Им хотелось ещё пообщаться, вместе поработать. Подсозна-

тельно они уже воспринимали меня как коллегу, а в разгар работы домой не уходят. Их лица выражали это двоякое чувство. Но завтра они будут отсыпаться, а мне предстояло целый день провести на ногах. Всерьёз предложили устроить в мою честь вечеринку на следующий день, но я вынужден был отказаться.

По дороге в дом Эшли я спросил у Джека, что грозит мексиканцу. Наркотики – это преступление против штата, три года тюрьмы, а пистолет – подсудность федерального суда, восемь лет. Джек удовлетворённо отметил, что за последние полгода это самая крупная партия наркотиков в округе, граммов сорок кокаина, не считая того, что налипло на пресс. Кроме того, пистолет явно полицейский, из мерзавца душу вынут, но установят, в каком полицейском подразделении он был похищен или утерян. Скоро оружие найдёт бывшего хозяина.

Во втором часу ночи полицейский джип остановился на полянке перед домом Эшли. Разбуженный Карл искренне поблагодарил Джека и сфотографировал нас вместе на память.

«Сексуальные домогательства»

(история с Анной)

Проводив взглядом арестованного студента, получателя злополучных стероидов из Югославии, которого вели полицейские соседнего округа в машину, Джек с полной серьёзностью, словно не он, а я был коренным местным жителем, спросил меня:

– У нас проблема. Время обеда, подумай, где тут можно перекусить?..

В один из дней ливень прервал программу, и членов группы развезли по домам раньше времени. Я вошёл в дом Эшли. Извиняясь перед хозяевами за мокрые следы, попытался просочиться в свою комнату, чтобы быстрее сбросить с себя набухшую от воды одежду. На пороге комнаты меня застал вопрос Патрисии, ужинал ли я. В другой раз соврал бы, чтобы не доставлять хозяевам хлопот, но не спавший в Америке аппетит сильно ткнул в пустое нутро, и я заявил: «Нет!»

– А мы ничего не готовили! – супруги Эшли разочарованно переглянулись, похоже, вопрос был дежурный, а ответ обязывал нарушить планы семьи на вечер: оба уютно устроились перед телевизором.

Только я ругнулся в адрес Америки и её кухни, как супруги известили меня, что мы едем в ресторан на мой выбор. Китайский, японский,

итальянский, мексиканский, – перечисляли Эшли. «Хочу в русский!» Поняли шутку, не обиделись. Едем в мексиканский.

В названиях мексиканских блюд я ничего не понял и доверил свой выбор очаровательной официантке. Понимающе улыбаясь, она справилась, местный ли я? «Нет». – «Вы не из Флориды?» – «Нет же, мисс!» Патрисия метнула ревнивый взгляд на официантку. Допрос на английском языке продолжался. «Сэр живёт в Штатах или гость Америки?» – «Мне острого нельзя», – пытаюсь торпедировать её «программу». Не сработало. «Сэр – русский?» Да что, у меня на лбу написано или она наш разговор подслушивала? Она, тем же тоном, на английском:

– И я русская. Из Перми, студентка Пермского университета, здесь учусь и в ресторане подрабатываю. Полгода здесь, ни слова по-русски. Смотрю, мужик заходит, как почувствовала – наш... Схватила меню и к вашему столику.

Немая сцена, как в «Ревизоре». Всё подстроено? Мы растерянно переглядываемся с Карлом и Патрисией. Та же девушка по-русски:

– Меня зовут Аня!!

Всеобщее изумление, ликование, приветствия, поздравления...

Аня попросила остаться после ужина и провести с ней вечер. Отпустив пару шуток, супруги Эшли отбыли домой, восторгаясь сюжетом. Уходя, Патрисия разрешила вернуться домой за полночь и даже пообещала «прикрыть» с утра перед делегацией. Эшли уехали, а мне в ожидании конца Аниной смены оставалось тянуть мексиканское пиво, разглядывать несвежий ресторанчик и его клиентов да перебрасываться фразой-другой с Аней, когда она пробегала мимо столика. Персонал ресторана загадочно поглядывал в мою сторону, я улыбался, мне отвечали, казалось, не совсем искренне.

Кончилась смена. Скоро, кинув коллегам «бай-бай», Аня выскочила ко мне на крыльцо. Небесный водопад и одинокое шоссе смывали романтику южной ночи. Свидание не задавалось. Выбраться бы из-под ливня... Но оказалось, надо срочно бежать.

– Они полицию хотят вызвать, – виновато заговорила Аня. – Там, в ресторане, они думают, что ты маньяк, хочешь меня соблазнить и убить в кустах. Зря не веришь. По закону штата, посетитель, два раза обратившийся к официантке не в связи с заказом, может быть обвинён в сексуальных домогательствах. От шести месяцев тюрьмы. Администратор и девчонки зашикали на меня, мол, звони в полицию. Администратор успела набрать

911. Я им объясняю, он земляк, я первая с ним заговорила, а они...

Сексуальные домогательства – дело частного обвинения, стоило Ане крикнуть в телефон, что никаких заявлений она писать не будет, что к ней всего лишь приехал соотечественник, к тому же полицейский, на том конце повесили трубку. Администратор была вне себя, но отступилась, излив на Аню желчь за распущенность её нравов.

К чему-то вспомнилось, что с утра у нас по плану экскурсия в местную тюрьму. Пойдут наши делегаты в камеры заглядывать, а там – я, «сексуальный домогатель»...

И вправду, лучше убраться отсюда поскорей. Аня забежала обратно в ресторанчик и вызвонила американского бойфренда, мол, ради меня среди ночи куда хочешь приедет. Через пять минут роскошный лимузин отвёз нас в круглосуточное студенческое кафе, где мы намерены были просохнуть и пообщаться. Но «звонок другу» имел непредвиденные последствия.

Бойфренд, здоровенный, лет двадцати, детина, стриженный ёжиком, с длинным именем, которое кончалось словом «second» (названный, как отец, так и будем называть его, «Второй»), деловито закрыл машину и пошёл в кафе за нами. Анин намёк на бестактность был перебит требованием позвонить в полицию:

– Он же маньяк! Ты только посмотри на него! – детина тыкал в меня увесистой лапой-ладонью. – Он пойдёт провожать тебя ночью и задушит в придорожных кустах.

– Да вы что, сговорились?! – оторопела Аня. – Он вообще полицейский!

Я сунул Второму под нос удостоверение. Молочник оробел, но уходить вовсе не собирался. Нагло подсев к столу, он впился в меня глазами.

– Забей, – вздохнула Анна. – Он упёртый. Давай лучше говорить по-русски, пусть побесится.

Но радоваться было рано:

– Говорите по-английски, вызову полицию, – пригрозил Второй.

– Козёл! Ничего не поделаешь, – Аня вздохнула. – Ты иностранец, считай – никто. Он запросто наговорит глупостей, и тебя арестуют.

Таким необычным было это свидание: двое русских в американском кафе болтают по-английски под надзором мускулистого громилы, поглаживающего кнопки «911» на сотовом телефоне. Наша с Аней болтовня то и дело прерывалась безумными вопросами Второго вроде «будут ли русские помогать Америке воевать с терроризмом?», «есть ли в России маньяки?», «курят ли русские марихуану?».

– А вот наши студенты курят. Все! Я не курю! Я спортом занимаюсь, – и Второй зарделся в раскатиистой до ушей улыбке. Нехороший был у него смех. Ставлю один к десяти, он в американский футбол играл, этим в их армии даже автоматы не дают.

Оставалось получать удовольствие от созерцания «их» мира. Вот, например, заказываешь кофе. Приносят целый кофейник. Литр! Вполне сносный кофе. И подогреватель ставят на стол. Возражаю, мол, заказывал чашку. В меню-то «чашка кофе – доллар», – а ну как «разведут» сейчас на десятку.

Официантка:

– Сэр, всё правильно: чашка, кофе, сахар с сахарином, без, сливки по вкусу, шоколадная конфета к кофе. С вас доллар.

Неужели такое бывает? Аня согласно кивает, есть в штатовском общепите приятные правила.

Ночь, ливень, глаза Второго как хватка бульдога. Хочу спать, но надо допить дармовой кофе, осталось всего пол-литра...

Снова озираюсь: в большом зале чистого кафе светло и уютно. Совсем не пахнет едой, свежо. Автоматы с напитками и гамбургерами, игровые автоматы вдоль стен. Хочешь, заказывай, хочешь, сам покупай еду навынос или развлекайся. Занят каждый столик. Вот рядом сидит бородастый-волосатый студент с фолиантом, конспектирует. Через стол стайка студенток живо расписывает любовные похождения, машут руками, хохочут. Влюблённые молча поедают друг дружку глазами. Попробуй поцелуйся, могут за «аморалочку» под дождик из кафе выпроводить, а то и в полицию сдать. Шахматисты, музыканты в наушниках, кого только нет...

Договорились до политики, значит, пора по домам. Каждому надо выспаться. Второй уводит Анну, но она требует от него довести меня до дома. Детина паркуется к самым дверям дома Эшли. Прощаюсь. Новый день подарит новую необычную встречу с Аниным миром...

– Время обеда, подумай, где тут можно перекусить? – спрашивает Джек.

Он с трудом верит в мой рассказ, смеётся от души. В машину садятся ещё два детектива, им Джек с ходу пересказывает историю. Меня хлопают по плечу, говорят, мол, здорово бы влип, девчонка-то хоть стоящая? Расписываю Аню в лучших красках. Детективы переглядываются и... командируют рыжего худющего коллегу занимать столик в мексиканском ресторане, да чтоб попросил Аню обслуживать столик. Через двад-

цать минут рыжий звонит: столик занят, обслуживает Аня, «ка-кая дэвушка»!

У входа на кассе восседает толстенная низкорослая тётушка в велосипедных обтягивающих шортах, кажется, она и есть администратор. Зал забит, время обеда. План «разгрома» этого заведения родился экспромтом:

– Мэм! – наклоняюсь я через стойку кассы и делаю знак детективам, чтобы оставались пока со мной. – Мэм! Вы администратор?

Мексиканка самодовольно кивает, сквозь векищёлки озирает нашу команду. Она узнала меня, но ничем себя не выдаёт, надеется, что сегодня-то я от неё не уйду. Нарочито громко, чтоб слышно было посетителям, обращаюсь к ней:

– Это вы вчера хотели вызвать полицию, чтобы обвинить меня в сексуальных домогательствах за разговоры с той официанткой?

Голова мексиканки заваливается набок, она меняется в лице, картинно изображая изумление. Зал медленно оборачивается на нас. Тут главное не дать ей опомниться:

– Мэм, сегодня я намерен пообедать у вас и хочу, чтобы мой столик обслуживала та же самая официантка, Аня. Поболтаю с ней немного. А чтобы вас не затруднять, я пришёл с полицией. Джентльмены, покажите ей ваши значки.

Ура! Парни с полуслова оценили мою задумку и не подвели. На глазах ошарашенных посетителей к лицу администраторши протянулись три золотых значка офицеров полиции.

Нокаут! Чистая победа! Гробовая тишина в зале. У нас с детективами тихая истерика. Мексиканка заметалась, словно загнанная крыса, шипит, выдавливая распоряжения. Крикнули Аню. Её выход:

– Санта, – глотая смех, Аня ангельским голоском изобразила саму невинность, – а джентльмены уже сделали заказ.

– Так что же ты стоишь?!!! Джентльмены проголодались, у них мало времени, их ждёт тяжёлая работа!.. – визжала Санта вслед убегающей на кухню Анне, сама же, опрокидывая клиентов со стульев, прокладывая своим животом, словно ледоколом, путь к столику. Обслуживание было по высшему разряду.

Вот, собственно, почти и конец анекдоту. На высоком старте детективы сошли с дистанции: разыграв мексиканку, что не запрещено законом, они ни в какую не согласились говорить с Аней «не в связи с заказом». Закон есть закон, а они всё-таки «при исполнении». Их искусственно безразличные взгляды и нас с Аней заразили пессимизмом. Всё ограничилось обедом. Стоит, пожа-

луй, отметить, что сержант Джекобс не дал мне потратить и цента за обед, посчитав едва ли не личным оскорблением мою попытку расплатиться по счёту.

Адвокат «дьявола»

Говорят, мир тесен. И когда здесь, в Петрозаводске, я встретил Пола Миллера, библиотекаря из Чикаго, то был крайне рад рассказать ему о своих похождениях в США.

– О, Флорида, – протянул Пол. – Лет пять-шесть назад там поймали маньяка, убившего пять студентов, он буквально разрезал их на кусочки. Расследование еле двигалось: мало было желающих защищать такого монстра. Много раз собирався написать об этом статью, но всё никак не мог выбраться из Чикаго. Кажется, маньяка защищали...

– Паркер. Сэр Си. Ричард Паркер⁸, – подсказал я. – Я разговаривал с мистером Паркером, как с вами...

Эту историю на разные лады мне рассказывали несколько человек, из которых только один, начальник местной полицейской академии, в бытность детективом был участником расследования. Лет за пять до нашего приезда в Гейнсвилле был совершен ряд убийств, потрясших Соединённые Штаты. То тут, то там в городе находили изуродованные и старательно расчленённые тела студентов Университета Флориды. Было очевидно – орудовал маньяк. Преступника бросили искать значительные силы полиции и местного населения.

Его застigli в комнате университетского общежития над очередной жертвой. Вскоре он дал показания. Прокуратура была готова передать дело в суд, но для судебного слушания требовалось участие адвоката. Обвинение было обязано предоставить бесплатного адвоката, но где ж его взять, если все адвокаты штата дружно отказались от участия в деле?

Хотя формально только суд мог признать человека виновным, сомнений в том, кто совершил убийства, не было, в том числе и у юристов. Гражданская позиция оказалась сильнее профессионального интереса. Впрочем, не обошлось и без «корыстных» мотивов: защитнику был гарантирован ярлык «адвоката дьявола», а это конец профессиональной репутации, а следом и карьеры...

Всё происходило на юге Штатов, где со времён Конфедерации высоко ценятся долг, честь, поря-

дочность и деловая репутация. Адвокаты-южане сами к себе относились как к обычным гражданам, являющимся специалистами в узкой области знаний. Это отрезвляет, ибо позволяет адвокату охватывать не только рамки юридического факта и процедуру его расследования, но и последствия, причём такие, как предстоящую жизнь среди людей, близкие которого погибли от руки защищаемого ими убийцы, и жизнь в обществе с убийцей, которого они в состоянии оправдать. Всё важно для адвоката: и имидж хорошего юриста, и авторитет у коллег, и гонорар, но где гарантия, что, выйдя из зала суда или после краткосрочного заключения маньяк не вернётся, чтобы забрать жизнь и душу близких защитнику людей?

На таком фоне истекли последние сутки содержания маньяка под арестом. Ни обращения, ни увещевания в коллегии адвокатов не возымели воздействия, власти штата сбились с ног, приглашая адвокатов по всей стране. Всё было тщетно. И вдруг как гром среди ясного неба: директор Службы публичной защиты заявил о намерении защищать обвиняемого.

В тот же вечер местное юридическое сообщество едва ли не в полном составе нагрянуло в офис мр. С.Р. Паркера. Царила паника: вразумляли потерей репутации и обструкцией.

Наконец издёрганый Паркер собрался с мыслями:

– Джентльмены! Есть ли сомнения в том, что убийства совершал подзащитный? Едва ли: слишком очевидны улики. «Виновен» или «невиновен», скажут присяжные, но все наперёд знают вердикт. Джентльмены, я, как и вы, нахожу, что защита здесь скорее элемент процедуры, чем практическая необходимость. Но мы знаем, что без защиты его наверняка освободят из-под ареста, формально обвиняемый должен будет находиться в городе, пока не найдут защитника и не назначат судебные слушания. В городе, джентльмены, а значит – на свободе. В городе, в котором совершено уже столько убийств! Кто из вас гарантирует, что он смиренно будет дожидаться суда? А не вводим ли мы в искушение тех горожан, чьи близкие были растерзаны злодеем? Формально он ещё не признан виновным, и любое покушение на него юридически будет расценено как преступление. Так-то мы ценим своих сограждан?

Мы защищаем закон и сограждан! Я, директор Службы публичной защиты округа, нанят жителями этого округа, которые содержат меня, платят налоги и ожидают защиты их прав. Предстоящая работа есть выполнение моего долга и служит достижению названных целей: сколько бы мы с ва-

ми ни были убеждены в виновности обвиняемого, закон требует признать его вину в суде, и суд должен состояться. Но нет суда без защиты, а само наличие и деятельность суда есть следствие переданных судебной власти полномочий народа. Следовательно, отсутствие защиты лишает народ права на принятие законного решения с целью установить истину, восстановить справедливость и оградить сообщество впредь от опасности. И не мне, нанятому местным населением «бесплатному адвокату», становиться препятствием на пути гражданской воли. Пусть свершится правосудие...

Смятение – первое чувство слушателей – сменилось восторгом и гордостью. Последние слова Паркера утонули в буре оваций. Хозяина вынесли из офиса на руках, а на следующий день ему рукоплескал весь город. Суд состоялся. Но Паркер добился своего: обсуждение было крайне взвешенным, а не брезгливым и высокомерным, приговор же выносился как суровая необходимость, а не выношенная и злорадная месть⁹.

Встреча с Р. Паркером состоялась благодаря моему хозяину Карлу Эшли, который, улаживая вопрос посещения управления шерифа, получил на моё имя разрешение на участие в «drug raid». Документ, состоящий из собственно разрешения и инструкции для участника рейда, должен был быть заверен адвокатом. Как ни уважал меня Карл, но платить за меня адвокату, видимо, в его планы не входило. Однако, как официально зарегистрированный налогоплательщик, я имел право на бесплатного адвоката, которого каждый нуждающийся и мог найти в Службе публичной защиты.

Прибыв в назначенное время в офис Службы, я нашёл его расположенным на одном из верхних этажей старого технического здания. Десяток кабинетов, нуждавшихся в основательном ремонте, старая мебель, кипы пыльных бумаг на столах, в коробках, на полу, стеллажах, гудящая устаревшая оргтехника... Удивительным был персонал: молодёжь студенческого возраста и женщины средних лет.

Нас встретил невысокий бородатый философ с потухшей трубкой в зубах. Вдумчивость, сострадание и вместе с тем непримиримость к сознательному греху во взгляде обещали встречу не с неудачником, не способным добиться лучшей юридической карьеры, но с человеком, убеждённым в том, что скромный пост его – лучший способ выполнить свой гражданский долг, реализуя свои профессиональные возможности. При этом директор Службы увлекался наукой, отстаивая и углубляя теорию биологической предрасположенности к преступлению, популярной в США.

Его служба родилась, когда Флориду стали наполнять приезжие с толстыми кошельками, пенсионеры, скупавшие недвижимость, и отдыхающие гангстеры, которым «деньги жгли ляжки». Чужие деньги притягивали жуликов и бандитов всех мастей. Прокуратура и суды задыхались от работы, а адвокаты задирали гонорары. Наконец часовая ставка защитника разорила бюджет, арестованных нарушителей пришлось выпускать до суда. Необеспеченность правом на защиту превращалась в правовую беспомощность властей. Тогда и решили: бюджетная служба публичной защиты выгодна во всех отношениях. Невысокая оплата и непопулярные дела профессионалов не привлекали, но вчерашние выпускники юридической школы охотно брались за работу ради практики. Средний срок работы персонала в Службе не превышал 1-3 лет. Ричард Паркер оказался блестящим администратором и педагогом в постоянно меняющемся коллективе.

Неимущему задержанному полиция немедленно вызывала адвоката из Службы. Обращались в неё и по имущественным спорам, под залог будущих выплат и компенсаций, благодаря чему несостоятельный человек, отвергнутый дорогим адвокатом, мог ввязаться в перспективную судебную тяжбу, а дотационная Служба выходила из судебного спора с финансовой прибылью.

Таллахаси

Столица штата Флорида – немногочисленный городок Таллахаси. Езды от Гейнсвилла до Таллахаси по шестиполосному шоссе часов пять. Минивен покрывает в час 130-140 миль, но скорость не ощущается. Шоссе свободно, изредка нас обгоняли огромные трейлеры, за рулём одного мы заметили немолодую женщину.

На трассе выстроены никем не охраняемые аккуратные здания с туалетами, навесами со скамьями, столиками, автоматами для продажи напитков и прессы. Возле них установлены ящики с объявлением: услуги бесплатные, но организаторы просят посетителей жертвовать на нужды детей-инвалидов. Принято жертвовать доллар.

В Таллахаси нас встречают пустынные улицы, площадь перед правительственными зданиями радуется уходу. У входа в здание местного Конгресса уже привычно для нас дежурит целая бригада охраны в гражданских костюмах и полицейской униформе.

В вестибюле здания небольшая молитвенная комната, всякий желающий может здесь помолиться и даже зарегистрировать брак. Налево от входа расположена резиденция губернатора

штата. Губернатор здесь не простой – родной брат Джорджа Буша. Увидеть его не удалось, говорят, был вызван к брату на «ковёр».

Тем временем нам показывали, что такое Конгресс штата Флорида. Не так давно штат принял новую Конституцию, но состав Конгресса остался прежний: верхняя палата – Сенат и нижняя – Палата представителей.

Депутатов Палаты представителей 120, их избирают на два года по одному от 100 000 избирателей. Переизбираться в Палату можно 3 раза. Чтобы сохранить преемственность в работе и не начинать работу каждый раз с «нуля», состав депутатов меняется по 40 человек ежегодно. Во главе – спикер, он избирается из числа депутатов на 2 года, после чего навсегда лишается права избираться в законодательный орган штата. Сенат скромнее – 40 депутатов, срок полномочий – 4 года. Переизбираться можно лишь один раз. Во главе Сената – президент из числа сенаторов.

Конгрессмена можно отозвать в случае совершения им уголовного преступления. Решение об отзыве принимает губернатор штата либо сам законодательный орган. По общему в США правилу депутаты законодательных органов штатов не имеют иммунитета и народного избранника можно арестовать прямо на рабочем месте.

Ежегодно Конгрессом обсуждается в среднем 2000 законопроектов, не считая различных слушаний по исполнению тех или иных нормативных актов, экстренным вопросам... Не более чем один из десяти проектов становится законом.

Обе палаты поразили как удобствами и комфортом, так и открытостью: балконы для общенности с числом мест, как в театре. Присутствующая публика права выступления не имеет, но в перерывах депутаты повсеместно общаются с избирателями.

Конгрессмены сами ищут встреч с народом. В Палате представителей над залом заседания предусмотрена оборудованная студия, в которой могут работать журналисты любой телекомпании. Заседания палат по наиболее важным проблемам транслируются в прямом эфире ведущими телеканалами штата. В обеих палатах над президиумом вывешены огромные электронные табло, на которых во время голосования высвечиваются фамилии всех депутатов и их ответы «да» или «нет». Голосуют только за себя, а не за «того парня», как в России. Хотя закон не требует, депутаты никогда не скрывают результатов голосования, таковы моральные и этические нормы в политической среде.

Заглядываем в кабинет президента Сената. Ра-

бочее место одного из первых лиц штата украшает сувенир с атрибутикой пожарной охраны: президент начал свой трудовой путь рядовым пожарным, в честь этого и получил от коллег подарок. На месте мы его не застали, как и губернатора, президент находился в командировке в Вашингтоне.

В здании Конгресса работает администрация штата. Не путать с администрациями российских губернаторов и правительствами субъектов Федерации. Здесь это некий организационно-информационный орган, в задачу которого входит информирование Конгресса и губернатора об исполнении их решений и наоборот – уведомление исполнителей о решениях законодателей и техническая организация работы. Исполнителями по преимуществу являются не министры и министерства (каких в штате попросту нет), а отдельные департаменты штата (полиция, департамент охраны окружающей среды, образования, здравоохранения и т.д.) и различные негосударственные организации, по контракту выполняющие решения Конгресса или губернатора.

Далее офис Службы генерального атторнея штата. Функции атторнея заметно отличаются от функций отечественных прокуроров, прямой аналогии нет. Атторней, скорее, главный адвокат и юрисконсульт властей и населения штата. Лицо это выборное. По Конституции штата им может стать любое лицо, раньше так и было. Но опыт показал, что это место должен занимать опытный юрист. Срок полномочий атторнея – 4 года, но можно дважды переизбираться.

Генеральный атторней возглавляет Law Enforcement Department (L.E.D.), Правоохранительный департамент. Важнейшим направлением работы департамента является защита прав жертв преступлений. Ни атторней как должностное лицо, ни департамент как организация не поддерживают публичного обвинения, за исключением случаев апелляции в Верховный суд штата. Атторней и L.E.D. имеют свой бюджет. В пределах бюджета и обеспечиваются права жертв.

Основные направления деятельности атторнея и его департамента: domestic violence, домашнее насилие, victim's rights, права жертв преступлений и investigations, расследования. Каждым направлением занят соответствующий отдел.

Последние годы защита от домашнего насилия достигла в США такого уровня, что для защиты членов семьи от неуравновешенных родственников полиция при очевидных признаках насилия (крики о помощи из дома, рыдания, громкий плач, звуки побоев и пр.) может проникать в жилище без судебного постановления.

К атторнею вправе обратиться любое пострадавшее от преступления лицо с ходатайством о защите его прав. Уполномоченный офицер L.E.D. в сжатый срок рассматривает жалобу. Проверяет, нарушался ли закон штата либо федеральные или местные законы (за них штат ответственности не несёт), получала ли жертва компенсацию от виновных или иных лиц, не было ли лицо каким-либо образом заинтересовано в совершении правонарушения или спровоцировало его совершение, какие условия и обстоятельства способствовали его совершению, как реагировали учреждения штата, как обеспечивал закон права жертвы и пр. Так, шансы автовладельца получить компенсацию за автомобильную кражу ничтожны, если, несмотря на объявления на всех автостоянках «Закрывайте ваши автомобили во избежание краж и угонов», рекомендации страховой компании и полиции, он всюду оставлял машину открытой.

В США доминирует концепция, согласно которой полную гарантию безопасности органами правопорядка обеспечить невозможно, но можно минимизировать угрозу путём создания каких-либо условий, осложняющих совершение преступления, например снижением виктимности населения. Если вы проигнорировали рекомендации L.E.D.: не ходить по значным местам в одиночку, не садиться в машину к незнакомцам и т.д. – и в результате подверглись насилию, то едва ли это вызовет сочувствие и понимание у атторнея и его офицеров.

Ключевым моментом в работе атторнея и L.E.D. как раз и является то, что при разборе отдельных случаев проводится анализ системы обеспечения безопасности, в т.ч. состояния законодательства, работы учреждений штата и т.п., вычисляются «белые» пятна в законодательстве, недоработки органов власти, должностных лиц, разрабатываются механизмы их устранения. Прелесть системы в том, что защиту может получить лицо, пострадавшее вследствие пробела в праве, т.е. если будет доказано, что в отношении лица были совершены очевидно несправедливые действия, каким-то образом не являвшиеся ни гражданским деликтом, ни уголовным преступлением. Непрерывно информируются заинтересованные должностные лица, органы, депутаты, губернатор... Печальна судьба проигнорировавшего информацию атторнея.

Сведения о несовершенстве закона публикуются в СМИ и передаются в Конгресс. Так иницируют законодательную инициативу в Конгрессе, а заодно ориентируют избирателей на контроль

над тем, как депутаты будут реагировать на информацию о нарушении прав граждан. В США этот механизм работает безукоризненно, изменения в закон штата принимаются в считанные дни. Если вдруг оказывается, что вопрос не в компетенции штата, в Вашингтон отправляются целые делегации от законодательного органа штата штурмовать Конгресс США. Костями ложатся, а добиваются изменений федерального законодательства, иначе не выдать депутатам переизбрания как своих ушей.

Настоящим открытием для меня как сотрудника правоохранительных органов было то, что под эгидой L.E.D. действует специализированная правоохранительная структура, не имеющая аналогов в России. Под одной крышей она объединяет экспертно-криминалистические службы, информационно-справочные учёты, аналитические службы, базу хранения вещественных доказательств, службы кадров и профессиональной подготовки личного состава правоохранительных органов. Тем самым полицейские участки освобождаются от необходимости содержать своих экспертов, учётные и аналитические подразделения, службы кадров, воспитательной работы, профессиональной и боевой подготовки. Высокие технологии и совершенные коммуникации позволяют L.E.D. получать и передавать обслуживаемым учреждениям сведения с высокой скоростью и точностью. Мало того, само наличие такого органа делает получаемые им результаты более объективными.

Эксперт L.E.D. не служит в полиции, и полицейским объективно труднее воздействовать на него с тем, чтобы повлиять на экспертное заключение, чем если бы он был их коллегой. Труднее и адвокату поставить под сомнение выводы эксперта по той же причине. Распределение материалов экспертам на исследование производит компьютер, а ряд исследований производится вообще без участия человека. Поражал технический уровень работы: высокотехнологичное оборудование позволяло эксперту лишь загружать в него объект исследования и снимать готовое заключение через заданное время. В одном из корпусов нашим глазам предстала полностью автоматизированная лаборатория, заставленная приборами-роботами, выполнявшими одновременно несколько сотен экспертиз.

Нас сразу же заинтересовала правовая основа работы криминалистов L.E.D. Тут обнаружилась весьма продуманная и совершенная система. Объект, поступивший с места преступления, получает номер и передаётся эксперту, который не

имеет понятия о происхождении вещдока, что исключает необъективность исследования. Эта система сохраняет тайну личности экспертов, исключая возможность их устранения, шантажа или подкупа. В противоположность российской практике, где эксперт связан вопросом исследования, американскому эксперту вопросы могут и не задавать, он исследует объект «на полную катушку», выдавая о нём всё, что только можно узнать, используя наличные технические возможности.

Здесь формируются коллекции образцов для сравнительного исследования. Закон штата позволяет собирать генетический материал у лиц, совершивших особо тяжкие преступления против личности (насильников, убийц, грабителей и пр.). Проводят сложнейшие судебно-медицинские исследования. Великолепно оснащённые передвижные лаборатории позволяют выполнить огромный спектр исследований прямо на месте преступления. Специальное оборудование способно обнаружить даже зарытое на метр в грунт тело, проводить глубоководные работы, идентифицировать человека по всем имеющимся учётам...

Восхищал отдел комплектования подразделений правоохранительных органов. Начальнику полиции, пожарной охраны, директору тюрьмы достаточно сообщить, какими бы они хотели видеть своих офицеров, и специалисты отдела, изучив линию обслуживания, предполагаемый объём работ, режим трудовой деятельности, территорию или объект обслуживания, на основе научных методик выведут квалификационные требования к кандидатам на службу и действующим сотрудникам. Соответствие требованиям – необходимое условие для получения лицензии на работу.

Раз в три года каждый полицейский и пожарный должны получать новую лицензию. За 2-3 месяца до окончания срока действия предыдущей лицензии офицер получает уведомление о необходимости пройти тесты с указанием времени и места их сдачи. Приём тестов ведут незнакомые офицеру специалисты L.E.D. У таких за бутылку пива тройку за кросс не получишь. В случае несдачи тестов и при желании продолжить службу с офицером обговаривается срок пересдачи, не превышающий 6 месяцев. Если лицензия не продляется, офицер подлежит немедленному увольнению. Для всех желающих поддержать или повысить квалификацию организуют обучающие семинары, курсы по специальностям.

В информационный центр L.E.D. стекается информация из всех правоохранительных органов штата, включая суды, как в электронном, так и в письменном виде. Благодаря системе любой

детектив в штате, не выходя из кабинета, может собрать на фигуранта досье, связавшись по сети с L.E.D. Описывать систему учётов нет смысла, т.к. правоохранительным органам США неведома наша «битва за показатели», а разношёрстное законодательство не позволяет унифицировать составы правонарушений и, соответственно, вести однообразную статистику. Информационный центр снабжает обзорами первых лиц штата, Конгресс, иных заинтересованных должностных лиц, СМИ, по заказу полицейского участка оценит оперативную обстановку, даст прогноз и возможные пути решения проблем, порекомендует варианты реорганизации, технического переоснащения, переподготовки кадров и т.д., выдаст по запросу информацию любому налогоплательщику.

В сравнении с их специалистами образ российского аналитика откровенно тусклый: аналитиками L.E.D. становятся седовласые профессионалы-полицейские, отдавшие многие годы оперативной и следственной работе, интеллектуалы с большим багажом знаний. От них требуются знания психологии, социологии¹⁰, политологии, криминалистики, менеджмента, поощряются их постоянные консультации и советы с учёными, юристами-теоретиками, действующими законодателями.

Верховный суд штата

Председатель Верховного суда¹¹ штата Флорида встретил нас без особых торжеств. Старик на вид, он поразил нас ясным сознанием, великолепной памятью и гибкостью в рассуждениях. Верховный суд – вершина карьеры судьи, и попадают в него в довольно зрелом возрасте. Крепкие люди судьи, если в этом возрасте они способны сдавать все необходимые тесты и отправлять правосудие!

Собственно, председателем судья не был. Как в Древней Руси князь был старшим среди равных ему дружинников, так и в системе американской Фемиды председатель является неким старейшиной с правом авторитетного, влиятельного, но абсолютно равного по силе всем другим голосам судей. Его председательская роль в основном проявляется в сношениях суда с иными организациями и ветвями власти, когда председатель выступает в качестве полномочного представителя всего состава суда. Никакими особыми полномочиями как судья он не отличается и организационно-распорядительными функциями по отношению к судьям не наделён.

Зал Верховного суда отделан мрамором и фресками, в окнах витражи, колонны уносят взор к сводчатому куполу, озаряющему присутствующих. Тут только я обратил внимание, насколько устройство судебного зала схоже с устройством церкви; характерно, что допуск к тому или иному месту в зале может зависеть от статуса человека. Но если в российском суде эта формальность соблюдается только во время заседания, то в США и в пустом зале никому, кроме судьи, не дано сесть на его место. Выйти за ограждение, отделяющее зрительный зал, означает выказать неуважение к суду, что даёт право судье тут же вынести приказ об аресте нарушителя.

От мыслей о высоких материях на землю нас спустили напутственные слова председателя, который, как и многие до него, принялся преподавать нам курс демократического и правового «ликбеза». Без него мы, конечно, понятия не имели, что такое суд и зачем обществу закон. Раздосадованные земляки стали забрасывать председателя колючими вопросами из теории и практики, на которые он с достоинством отвечал, натываясь на... глухое непонимание российских коллег. Оно и понятно, воспитанные в зажатых условиях «демократического централизма», наши юристы даже на уровне фантазии не способны были представить, что правосудие может иметь подобные масштабы свободы и систему самоконтроля.

Так, например, выяснилось, что апелляционные инстанции вправе отклонять жалобы сторон без объяснения причин, причём отклоняется подавляющее большинство жалоб, а суды вправе отменять или изменять собственные решения по своей инициативе при определённых обстоятельствах (судья может... передумать, осознать, что ошибся!). В суде возможны переквалификация, возбуждение уголовного дела, судебное следствие, предъявление новых обвинений. Судьи могут лично выезжать на место преступления или что-нибудь в этом роде. «Правовой беспредел»!

Во Флориде были созданы первые в мире суды по наркотикам. Любое уголовное дело, если даже хоть одно из обвинений связано с наркотиками, рассматривается «Drug courts», судами по наркотикам. Практика идёт по пути назначения проба-ции¹² при первой судимости, кроме дел крупных наркодилеров. Последующие аресты, как правило, заканчиваются тюремным заключением. В тридцати штатах трудились над созданием аналогичной судебной системы. Часто приезжали за опытом зарубежные делегации, для которых ор-

ганизовывали обучающие семинары. Тут надо сказать, что в США действуют и другие специальные суды, например, суды по делам несовершеннолетних, где судьи обязаны быть не только юристами, но и педагогами, и психологами.

Noel Desmond

Нейвил Десмонд. Вообще-то, «по паспорту» Него звали Ноэл. Но, видно, в честь службы в морской пехоте, особо близкой к ВМФ, по-английски NAVY, «нейви», он подкорректировал своё имя. Получилось что-то вроде прозвища. Мы познакомились в небольшом курортном местечке High Springs, в 140 милях от Гейнсвилла, куда на следующий же день по прибытии во Флориду нас повезли американцы. Всё началось с прогулки на катере, которым владел Ноэл.

Мы быстро сошлись с этим малоразговорчивым, но поразительно доброжелательным, чувствительным человеком. У него были глаза, которые помнятся всю жизнь. Скрытые за тёмными очками, они всё равно выдавали глубокую печаль и необъятную любовь и добродетель.

– Я родом из этих мест, – рассказывал Ноэл. – Пятьдесят лет назад здесь ещё жили индейцы-семинолы. Мы, белые мальчики, играли с ровесниками из них, хотя это было небезопасно. С ними надо было держать ухо востро, внешне дружелюбные, при любой возможности они старались насолить нам. Мне было лет десять, когда они столкнули меня в какую-то яму на болоте и убежали. Яма выходила в нору самки аллигатора и была набита молодыми голодными рептилиями. Выбраться мне удалось дня через три, с тех пор не умею бояться, могу есть змей и лягушек. Эта яма спасла мне жизнь во Вьетнаме.

Сын эмигрантов-итальянцев, он учился в католической школе со строгими порядками. Знает латынь и наизусть Священное Писание. Родители видели в нём приходского католического священника, но он выбрал другую судьбу. В 14 лет он отправился в Корпус морской пехоты США. Не то юнгой, не то сыном полка, воспитанником, есть такой малоизвестный институт военной службы и подготовки молодёжи. В 18 лет был призван в ВМФ и два года ходил матросом на кораблях 6-го флота США, который тогда курсировал вокруг Европы. Стоянки часто бывали в портах Франции и Италии.

После общения с французами он вынес и сохранил крайне пренебрежительное и почти брезгливое отношение к этой стране и её народу. Говорит, за все жертвы, что США понесли для осво-

бождения Франции, она отплатила им чёрной неблагодарностью. Он служил ещё с теми, кто воевал во Франции в 1944–1945 гг. Ветераны рассказывали легенды о трусости и бездарности французской армии. Мол, русские хоть и с помощью ленд-лиза, но сами нацистов из России выгнали и страну восстановили. А французы едва с помощью союзников себе родину вернули, на их деньги поднялись. Зато упорно отказывают освободителям в заслуженной славе, считая их чуть ли не новыми оккупантами.

В разгар вьетнамской войны добровольцем вернулся в морскую пехоту, стал снайпером, прошёл подготовку по борьбе с «герильей», народной партизанской войной. Ходил в одиночные рейды, подолгу жил в джунглях в тылу противника. По окончании годичного контракта подписал второй, потом ещё и ещё. Зачем? Отвечает: «Crazy»¹³. За четыре с небольшим года снайпер Десмонд уничтожил более 200 солдат и офицеров вьетконговской армии. Его жертвами были и советские военные советники. Затем тяжёлое ранение, после которого он очнулся на плавучем госпитале в Тихом океане. Война не отпустила, бредил ею, рвался назад, но... вмешалась любовь. Молоденькая медсестра из его палаты прониклась героем, уговорила демобилизоваться и начать новую жизнь.

Они уехали в Нью-Йорк и поженились. Ноэл поступил в полицию, стал серьёзно заниматься карате. Получил чёрный пояс, привил любовь к карате жене и детям. Верой и правдой отслужив 25 лет в городской полиции, Ноэл вышел в отставку. Служил Ноэл с честью и достоинством: терял на парников, был ранен пулей в кисть навывлет, участвовал в дюжине перестрелок, лично раскрыл сотни преступлений. Сменявшиеся капитаны участка, в котором служил Ноэл, как один уговаривали его перейти в детективы, сразу в отдел убийств, что для патрульного считалось завидным повышением, но Ноэлу нравились улицы...

На пенсии Ноэл перебрался на родину, во Флориду. На выходное пособие купил дом в Майями. Спустя пару лет после косметического ремонта продал его с прибылью. Затем несколько раз повторил подобные операции с недвижимостью. На доходы обзавёлся небогатым, но просторным домом в Гейнсвилле. Приобрёл небольшую яхту. Стал организовывать досуг туристам: рыбалка, прогулки на яхте, экскурсии по рекам и Мексиканскому заливу. Не бросил и торговлю недвижимостью, переключился на сделки с землёй. Увлёкся коллекционированием холодного и огнестрельного оружия. Стал нештатным инструктором

S.W.A.T.-team, воспитал нескольких чёрных поясов по карате. Один из них позже сделал чёрным поясом его собственную дочь.

Раненный в душу на войне, этот человек снял розовые очки и называл вещи своими именами. При этом он избежал участи многих ветеранов вооружённых конфликтов стать циником. Так, проезжая однажды мимо стадиона, где шла тренировка команды футболистов¹⁴, он кивком головы кинул о них: «Organized violence» (организованное насилие)! Шли бы, говорит, лучше книжки читали да учились, мышцы вместо мозгов...

В другой раз, находясь в гостях, он в ответ на удивлённую реакцию американцев на мои откровения о нарушениях закона правоохранительными органами России одёрнул их, мол, хватит прикидываться, у нас и похлеще творится. Ноэлу намекнули, что знать об этом русскому нежелательно, а говоря о нарушениях прав человека в Америке, он заблуждается. Стыдно, ответил Ноэл, обманывать других и глупо – себя, хватит жить в выдуманной Америке. Если американцы не знают, что полиция берёт взятки, а задержанного могут избить и выбить показания, то они не видят очевидного, уж он-то 25 лет в полиции отслужил.

Окружной прокурор

Узнав, что мы посещали окружного прокурора, сержант Джекобс с оттенком зависти пристыдил: «Большой человек, \$ 150 000 годового дохода!»

В офис «большого человека» мы нагрянули сразу из суда. Раздосадованный сомнениями присяжных по делу об убийстве младенца, прокурор метал гром и молнии в помощников, и наше появление было для него совсем некстати. Предусмотрев на наше посещение в своем графике полчаса, несчастный прокурор не знал, что русские станут его «троянским конём» и раньше чем через два часа не уйдут. Любезности ему не помогли, сгубили дело очередные рассказы о правосудии, вызвавшие у наших юристов приступы тошноты и негодования. В самом деле, трижды за день выслушать лекцию об основах права российским юристам стоило немалой выдержки...

Прокурор слишком боготворил Америку, он неосмотрительно настаивал на превосходстве своей правовой системы, чем ещё больше закручивал пружину бесплодного спора.

Прокуратура в США занята исключительно расследованиями и обвинением. Только прокурорский следователь вправе вести расследование, его юрисдикция в рамках дела обязывает подчи-

няться ему все учреждения независимо от принадлежности штату, округу или федерации. Общий надзор как правовой институт американцам неизвестен. В самом деле, развитая правовая, в частности судебная система, и широкие возможности граждан и организаций по защите своих прав, обилие контролирующих федеральных агентств исключают не только необходимость существования дополнительного органа надзора за законностью, но даже проведение столь привычных нам проверок и инспекций вышестоящими инстанциями. Окружной прокурор здраво заметил: «Законность – она или есть, или её нет, а процессуальные нарушения, допущенные следователем, будьте уверены, «вылезут» на суде».

Примечательно было, что именно наши прокурорские и судебские работники более всего напирала на окружного прокурора, выражали неприятие американской доктрины. Явственно следовало, как океан формальностей дорог сердцу российского юриста, избавленного от труда вникать в суть события и человеческих отношений. До них ли, когда надо по пустяковому делу дюжину постановлений вынести в сжатые сроки. Размышлять так, как призывали отечественные юристы Плевако, Кони, Спасский? Слюнтяйство и выпендрёж...

Адвокат и юрисконсульт гражданской фирмы, напротив, мгновенно принимали доводы американца, урезонивая судебных и прокурорских работников, чем злили их не на шутку.

Если свести воедино линию «противодействия» американцев нашим доводам, нашей логике, то она заключалась в ёмком и непритязательном вопросе «зачем?». Об «зачем» с грохотом и хрустом разбивались незыблемые образцы российского мышления, устои мировоззрения.

– Как, разве американские следователи не выносят постановления о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству по подследственности?

– Зачем? Если есть явные признаки преступления, то неужели без постановления вы не станете искать преступника? А раз в законе указана юрисдикция правоохранительных органов, то зачем дублировать закон постановлениями его исполнителей? Спор о подследственности решает судья мгновенно. Если есть очевидная необходимость произвести следственное действие, то от наличия или отсутствия постановления необходимость этого действия не увеличится и не уменьшится и едва ли скажется на законности, если не нарушает конституционных прав граждан.

Добыча доказательств есть способ установле-

ния истины по делу. Обязав добывать доказательства лишь посредством вынесения постановлений, вы существенно ограничиваете или исключаете возможность их получения иными участниками уголовного процесса. Какие они равноправные участники, какая состязательность, когда через постановления монополизирована воля следователя на получение доказательств?

К примеру, американская Фемида исповедует презумпцию виновности дееспособного вменяемого лица, деяние которого доказано. Бремя доказывания невинности лежит на обвиняемом. Зачем лишать его права доказывания невинности, передавая полномочия следователю? Это же игра в одни ворота!

– Как?! Вы не ставите перед экспертами вопросы, не знакомите их с правами и обязанностями под роспись, а они в экспертных заключениях не расписывают подробно методику исследования? Беззаконие!

– Зачем? Предмет, направляемый в экспертно-криминалистическое учреждение, в безусловном порядке подвергается целому комплексу исследований. Эксперты вытянут из объекта все возможные следы, всё, на что способны криминалистическая техника и специалисты. Следователь живой человек и, концентрируясь на очевидных версиях, вполне способен упустить из виду какие-то вопросы, задать которые позже будет невозможно, так как следы будут уничтожены. Эксперт такого себе не позволит.

Эксперты при приёме на работу подвергаются тщательной проверке и обучаются. Раз в три года они сдают экзамены на новую лицензию. Изучают они и права, и обязанности. Постоянно наставляют их как школяров нет нужды. Допустимо наставлять непрофессионального эксперта, в силу специфики редкого и своеобразного дела привлечённого к следствию. Но доля таких экспертов столь мала, что подгонять под них систему – абсурд.

Зачем расписывать процесс экспертизы? Есть стандарты и универсальные требования к криминалистическому оборудованию, которое к тому же проходит сертификацию. Есть научные данные и методики, лежащие в основе криминалистических исследований. Как из известных исходных данных эксперт получил тот или иной результат, узнать несложно. Всё известно и доступно. Но, с другой стороны, используемые знания столь безграничны, что уже сегодня юридическое сообщество попросту не осилит массива информации. Посему важен результат, вывод исследования. Или вот как быть, если эксперт обслуживает прибор, исследу-

ющий более сотни объектов одновременно? Все образцы относятся к разным делам. Перед загрузкой образцов сто следователей станут читать ему права и обязанности по очереди?

Есть настолько сложные приборы, что эксперта-криминалиста учат лишь обслуживанию техники. Методику их работы люди знают только в общих чертах, а зачастую и эти сведения составляют ноу-хау фирмы-изготовителя. Вот и получается, что для участников уголовного процесса подробная методика будет китайской грамотой, но тщательное изучение и анализ поспособствуют поиску противодействия криминалистам со стороны преступников.

– Вы ещё скажите, что следователю ничего не будет за оправдательный приговор, – бросили прокурору российские делегаты.

Тут страж американской законности наконец смекнул, что лучший аргумент в споре с русскими – молчание, и с убитым видом выслушивал, что следователя стоит примерно наказывать на подведении итогов за оправдания и отправленные на дополнительное расследование материалы.

– А доследов у нас не бывает! – не выдержал окружной прокурор. – Оправдание, и всё!

Баста! – решила публика! Прокурор ничего не понимает, а времени едва на шопинг осталось...

Американцы

В Америке все не то чтобы ненастоящее, но непостоянное. Тут и вера в прогресс, и нежелание приковывать себя к быту, страсть к переменам, привычка переезжать. Феномен Америки не в географии, а в американцах.

На самом деле, представления об американцах, распространённые в России, далеки от истины и порой нелепы, равно как и их представления о нас. Немало удивило меня вполне адекватное представление американцев о политических, экономических и технических преобразованиях в России. Далеко не все соотечественники знают о происходящем на родине столько, сколько они, живя за тысячи километров. Приходится гадать, откуда такая осведомлённость.

Но вот парадокс: для американцев русские – это хмельные бородатые мужики в ватниках с бутылкой самогона в кармане. Медведи на улицах, снег и прочее. Простейший вопрос, как же мог этот мужик создать космический корабль, атомную станцию, наконец освоить шестую часть суши, ставит их в тупик. Ну неужели мы, наша делегация, похожи на ваших «русских»? Молчат, перелазываются.

Искренне верят американцы во всеобщую на Земле к ним ненависть и зависть. В полемике о перспективе ближневосточной войны вспомнили про 11 сентября 2001 года. Американцы не верили, что в России об этом известно. От того, что в России народ сострадал, они терялись, а многие отвечали, мол, это русские специально так говорят, чтобы о них лучше думали. Про теракты в России они вообще не догадывались, их СМИ об этом молчат.

В целом американцы мало знают о земном шаре. Они наивно верят, что все открытия сделаны американцами, и с трудом осознают, что до создания США на Земле уже была жизнь. Возник как-то между американцами спор, какая система мер в Европе. Участвовали вполне взрослые люди. Подсказал – метрическая – застыли от удивления. И от того, что метрическая, и от того, что русский это знал. А может, спросили, ты знаешь, на чём машины в Европе ездят? Бензин, – сказал им. – Солярка, газ. Зашумели: это что, как у нас в Америке, что ли?!

Справедливости ради надо отметить, что относится это больше к молодёжи. Старшие поколения более развиты. Но ведь и в России дела обстоят примерно так же.

Почти никто из американцев, с кем приходилось общаться, не только сам не знал иностранных языков, но и не смог припомнить такого знатока среди знакомых. Хотя в ряде городов США желательно знать два языка. В основном это английский и испанский на границе с Мексикой, французский – на канадской границе. Полиглоты встречаются, как правило, среди эмигрантов в первом-втором поколениях. Они знают английский наравне с языком первой родины. Коренные американцы отшучиваются, зачем языки учить, с долларами все по-английски заговорят. Учить языки нерационально. Время и деньги потратишь, а используешь – вряд ли.

Наивность губительна для всех, для богатых особенно, им дороже платить. В излюбленных американцами разговорах про Ирак я говорил им о перспективе партизанской и диверсионной войны, о будущих ежедневных убийствах их солдат, заложников и пр. Брови вверх: но мы несём им демократию! Мы, говорю, тоже её несли в Афганистан и Чечню, уж поверьте горькому уроку. Плохой пример, говорили. Не смогут мирные иракцы поднять оружие против солдат-освободителей. К официальной причине войны, нефти, американцы относились скептически. Рядом богатейшие запасы нефти в Канаде и Венесуэле, их добыча и транспортировка на порядок дешевле. Корень агрессии не только и не столько в нефти.

Чуть позже, уже в период оккупации Ирака, когда там ежедневно на минах подрывались армейские машины с экипажами, знакомый американец прислал мне по Интернету статью австралийского журналиста с заголовком «To Kill an American», «Убить американца». Журналист с негодованием комментировал призыв Аль-Каиды убивать американцев где бы то ни было. Среди аргументов в духе «американцы – это сборная солянка», «смесь наций, это не раса, а мировоззрение, вера, гражданская позиция», был и такой: «американцы – это все те, кто помог мирному афганскому народу бороться с кровавой советской оккупацией, кто помогал им оружием, словом или делом». Тут же: «нет понятия «мирный мусульманин». Вот были мирные немцы в гитлеровской Германии, почему они не предотвратили войну? Все они, мирные, на одно лицо». И заключение: «давайте мы все, американцы, высыпем мусульманам!» Мой корреспондент резюмировал: «Ты, Вадим, наш, американец».

Задал ему вопрос: если я без визы в Штаты пожалую, то мои «соотечественники» меня встретят как брата либо с трапа в ближайшую тюрьму проведут? Песни красивые, да только я всё-таки русский и для себя, и для вас.

Попросил разрешить дилемму: какая разница между «мирными афганцами» и «мирными мусульманами», если все афганцы мусульмане, а «мирный мусульманин», по его логике, это замаскированный террорист? И почему американцы должны помогать «мирным афганцам» против русских, а русские должны помогать американцам против «мирных мусульман»?

Насчёт «кровавой оккупации» Афганистана попросил я его сравнить статистику: за 10 лет войны во Вьетнаме США потеряли в пять раз больше убитыми и в десять раз больше ранеными, чем СССР за тот же срок в Афганистане. При такой интенсивности боевых действий в густонаселённом Вьетнаме американцы мирного населения перебили в десятки раз больше. Зато, когда наши войска были в Афганистане, мир не знал героина «666», а с приходом США в Кабул в 1999 году наркотрафик растёт ужасающими темпами.

Ответ не заставил себя ждать. Мне сообщили, что я мыслю примитивно и немасштабно. Вьетнам просили не трогать, там простые американские парни умирали за Родину (где родина и где Вьетнам!). Дважды аргументированно пробовал я дискутировать с оппонентом. Тщетно, на самые изощрённые доводы приходил стандартный, словно заученный ответ. С тех пор общаться мы почти прекратили.

Кстати, об их армии. На вопрос, кем стремятся стать молодые люди, многие отвечали: предел мечтаний молодого американца – стать офицером армии США. Военных боготворят. Родителей солдат и офицеров на дому и на работе посещают высокие чины Пентагона, властей всех уровней. Матерей солдат – участников вооружённых конфликтов – публично и помпезно награждают памятными медалями и сувенирами, их портреты печатают СМИ, плакаты с портретами героев, павших и живых, украшают улицы городов и холлы учреждений. Демобилизованный, veteran, почти как национальный герой. Он пожизненно получает право пользоваться услугами клиник для ветеранов, где практикуют военные врачи.

В мэрии Гейнзвилла одна женщина показала нам медаль, вручённую ей группой в составе помощника губернатора штата, представителя Пентагона в штате Флорида (генерала!) и мэра. Генерал дал интервью местной прессе, где от лица военного ведомства благодарил женщину за сына.

Патриотизм американских граждан вызывает противоречивые чувства, с одной стороны, восхищение, с другой – тревогу. Я как-то без злого умысла сказал американцам, что хоть у них всё и прекрасно, но вот в более бедной Финляндии города симпатичнее, улицы куда чище, а соцобеспечение – в пример Америке. Договорить не дали: одна женщина, до того бывшая приветливой, вмиг изменилась в лице и крикнула, мол, ну убирайся в свою Финляндию. Сравнений с собой они не переносят, считая себя исключительной нацией.

Раз застал я Карла Эшли в ярости. Кто-то из европейских лидеров, кажется, президент Франции, в СМИ назвал Джорджа Буша фашистом и сравнил с Гитлером за подготовку к войне в Ираке. Как он мог! Согласился с ним: до Гитлера ему далеко, Буш пока только Югославию бомбил, а Гитлер четыре континента кровью залил. Эрудированный Карл иронии не понял, принял сказанное за поддержку.

Занимательно они ведут диалог. В следственной тактике есть такие методы, когда следователь, расслабив собеседника, задаёт вопрос «не в тему». Сбитый с толку, человек теряется, оговаривается, сознаётся. Точно так американцы беседуют, как допрос ведут. Не то от чрезмерного любопытства, не то от глубоких познаний психоанализа, популярного в США. Беседуешь о семье, перебивают, поможет ли Россия войне с Ираком. Ты про Ирак, тебе – про работу. Сообразительного иностранца срезают вопросом: если в вашей стране есть такие умные, почему живёте хуже нас?

Своё превосходство американцы подчёркивают и в архитектуре, и в машиностроении. Штатовские небоскрёбы хорошо описаны, известны и их крупногабаритные автомобили. С удивлением обнаружил массу незнакомых моделей, каких не видел ни в одном каталоге. Многие машины производят только для США. Все авто как игрушки, блестят и сияют. Популярны японские и американские: тойота, хонда, инфинити, акура, лексус, шевроле, додж, бьюик, крайслер, форд. Из европейцев: мерседес, BMW, Audi, фольксваген, Volvo, Saab. Немало корейских хюндаев, KIA и дэу. Крайне непристижно иметь французский или итальянский автомобиль.

Удивительно, как автомобили «проявляют» имперские взгляды американцев. Например, престижно иметь пикап, едва ли нужный горожанину. Несмотря на расход топлива, налоги и стоимость страховки, моден объёмный двигатель. Но сквозь нелогичные доводы о долговечности таких машин (зачем, их меняют раз в 3-7 лет?!) просматривается вера американцев в незыблемость их державы (она вечна, как мотор ролс-ройса) и неисчерпаемость их ресурсов (что символизирует бешеный расход бензина).

Народ они подтянутый, спортивный. Ожидал увидеть ожиревшие тела, но не то прятали их от нас, не то глядели не туда, но полных людей немного.

Впрочем, на здоровье американцев не может оказывать влияние их продовольствие. Чудо американского общепита сродни советским столовкам: «через пять минут не помню, ел я или нет». Пища буквально растворяется в желудке, отчего появлялось ощущение, словно недоел, и перечёркивало все «прелести» Штатов, мысленно возвращая к русской кухне, борщу и пельменям. Инстинкты обмануть нельзя, возможно поэтому непотомственные американцы не в состоянии адаптироваться ни к генетически изменённым продуктам, ни к продуктам, напичканным вкусовыми добавками. Незаглушаемое чувство голода вновь и вновь влечёт их на улице к «Макдоналдсу», а дома – к холодильнику.

В одной из пиццерий, где платят только за вход 5-7 долларов, я решил наесться. Съел четыре пиццы и выпил литр чая со льдом. Кто бывал в Европе, может сравнить. В сети «Пицца Хата» не одолеть семейную пиццу вдвоём, а вот в Америке одному четыре – пожалуйста. Может, оно и к лучшему – в животе не чувствуется веса, в жарком климате помогает, – но тоскливо. Когда в ресторане «Белый лев» на берегу Атлантики нас угостили свежими морепродуктами, то сразу почувствовался вкус натуральной пищи. Рыбу, крабов

и моллюсков в океане американцы модифицировать, слава богу, ещё не научились.

Кое-что удалось понять, познакомившись с их фармацевтической индустрией. Замкнутый круг, существующий из-за запрета на покупку лекарства без рецепта врача, сдерживает фармпроизводство. И ограниченное число больных, и пропаганда здорового образа жизни, и дороговизна лечения обращений к медицине не повышают. Вот и мечутся фармакологи в поисках составов, которые несли бы оздоровительные свойства, но лекарствами по закону не являлись бы, что делает их продажу неограниченной.

Биодобавки, речь идёт о них, товар особый. Американцы народ привередливый, абы что употреблять не станут. Значит, надо «создать» проблему, а потом указать единственный способ её преодоления (как это по-русски!). Так родился миф об ожирении нации, и способ избавления – БАДы и курсы шейпинга. Пока весь мир, и мы в России, над их весом смеёмся, их БАДы все на «ура» раскупают и потребляют. Наши женщины наперегонки учатся у американских тренеров по шейпингу и аэробике, а наши денежки текут за океан.

Такого повального занятия спортом, как в Финляндии, в Штатах не заметно, хотя спортзалы и бассейны, по отзывам, не вмещают всех желающих. Крепких и подтянутых людей в Штатах гораздо больше, чем в России. Во многих профессиях существуют жёсткие требования к физической форме служащих. Один американец посетовал: его жену, подполковника, начальника военного госпиталя, уволили без пенсии за то, что размер талии 40-летней женщины был больше допустимого на 1,5 дюйма (ок. 3,7 см).

Женщинам же однозначную характеристику дать трудно. Будучи стройней российских дам, американки разного возраста имеют свои неожиданные особенности. Почти не пользуясь косметикой в молодости, они чрезмерно злоупотребляют ею в зрелом возрасте.

Что роднит всех американцев, это ослепительно белая улыбка. Никакие цены на услуги стоматологов не отбивают охоту американцев иметь ровные здоровые зубы. И сколько бы вы ни старались выглядеть американцем, изучая их язык и культуру, ваши зубы немедленно выдадут ваше инородное происхождение.

Очевидцем знаменитой эмансипации стать не пришлось. Нас пугали: не уступать женщинам места, чтобы не оскорблять. Зря. Американцы довольно обходительны с дамами и ничем не уступают в галантности другим нациям. Они достаточно воспитаны, приветливы и обладают чувством

такта. Часто принимают их простодушие, любопытство и манеру выражать бурные эмоции за невоспитанность. Все южане экспрессивны, а значительная часть США лежит в широтах Средиземноморья и Северной Африки. Правда, в проявлении ими чувств есть что-то показное, словно настоящее, наигранное, но это не притворство, а своего рода компенсация за недостаток информационного ресурса в общении. Если в России больше выговариваются, то американцы слова заменяют эмоциями, жестами и мимикой.

Любопытство обусловлено изоляцией США и врождённым рационализмом; узнав что-то новое, они немедленно ищут способ практического применения информации, а уж глубина познания достойна наивысших похвал. Мы, россияне, останавливаемся на границе простейшего и скорейшего использования знаний. Американец же будет «рыть землю», пока не найдёт оптимального соотношения «цена-качество» в использовании сведений. Показав американцу своё превосходство в чём-то, не витайте в облаках, вы приобрели опасного и решительного конкурента. Малообразованность компенсируется умением искать информацию, а главное, талантом выделять ключевые, главные моменты. Развитию высоких информационных технологий способствовал президент Д. Буш-старший, который приравнял книги к движимому имуществу, облагаемому налогом, отучив сразу целые поколения читать.

В двух словах передать стереотип мышления американца невозможно. Зная мало, зачастую умея ничтожно мало, американцы поразительно легко приспосабливаются к быстро меняющейся обстановке. Как это контрастирует с российским многознанием, всеумием и... топорным решением сложных проблем. На фоне их «гения» ноухау российского изобретателя заключается в лозунге Кота Матроскина: «Ура! Заработала!» А что «заработала»? Зачем? Нужно ли, чтобы работало? Это неважно... Американцы без зазрения совести перенимают чужой опыт, безжалостно отсекая всё нерациональное, соблюдая баланс между практичностью и комфортом, и объявляют изобретение своим, «искренне сочиняют чужое».

Америка до сих пор хранит тайны своего открытия, если уж говорить о том, что было «до США». В предпоследний день нас вывезли на экскурсию в старейший на территории США город Сент-Августин на Атлантическом побережье. Стоянка кораблей пиратов и купцов в местной бухте была основана ещё в начале XV века, а основательный каменный форт, дошедший до наших дней, был построен задолго до открытия Америки Колум-

бом. Зная срок строительства крепостей, нужду в огромном числе рабочих и то, что стройки санкционировались обычно монархами или их наместниками, можно уверенно говорить, что Америка была открыта и осваивалась европейцами намного раньше, чем официально утверждается.

Между Севером и Югом со времён Гражданской войны сохранились «особые» отношения. Как юристу, мне было интересно узнать, что честно-му слову на Юге верят даже в суде. Это следствие особого отношения южан к понятиям честь и достоинство. Юридические сделки не так подробны, как на Севере, многое оговаривается на словах. Есть даже формы устного договора при двух свидетелях.

До недавнего времени на Юге законодательно существовали привилегии для белых. Признаков расизма мы не заметили, но в представительных учреждениях белые составляют подавляющее большинство. Вспомогательный персонал и неквалифицированные рабочие – почти сплошь темнокожие или латиноамериканцы. Надо было видеть лицо темнокожего пожарного, когда я пожал ему руку. Словно для него это была большая честь. За обеденным столом в пожарном депо он сидел особняком с краю. После обеда белые пожарные остались общаться, а он молча удалился.

Неоднозначны оказались отношения американцев с законом. Патрисия призналась, что в Новороссийске видела, как водители беспрекословно останавливаются по требованию сотрудника ГАИ. В США, с её слов, а жила она во многих штатах, остановить машину полицейскому стоит немалого труда. А в южных штатах, где движение без регистрационных номеров узаконено, полиция даже не пытается никого тормозить. Идентифицировать номер подчас невозможно, подчас разрешены номера, на которых может быть изображено... да всё что угодно, от чёрного квадрата до фотографии любимой девушки. Причины неуважения к дорожной полиции банальны: любые проблемы с законом оставляют след в истории налогоплательщика, и водители стараются скрыться от патруля.

Когда шериф округа Алачуа попытался ввести европейский опыт – техосмотры, автовладельцы объявили акцию гражданского неповиновения. Техосмотр бойкотировали. Шериф подал иск в суд на... округ. Да, в США это возможно. Но проиграл. А округ подал в суд на шерифа, требуя возместить два миллиона налогов, затраченных на станцию ТО. Насилу мирно договорились.

Стоит упомянуть наших соотечественников. Знакомство с ними, как и встреча с любым иным

иммигрантом за рубежом, непростое дело. Заграница словно выхолощивает людей, очищает их от известных всем привычек и образов поведения и мышления. Как вернувшийся с войны ветеран имеет новую систему ценностей, так и иммигрант воспринимает действительность и даже прошлое новыми категориями. Вот почему как для кого, а по мне для общения с иммигрантом надо запастись выдержкой и собираться с мыслями.

Супруги Эшли рассказали нам о том, что пару лет назад в округе проводили что-то вроде переписи населения в целях оптимизации налогообложения и социального обеспечения. По результатам выяснилось, что в округе проживают 600 семей, выходцев из СССР и СНГ, считающих русский язык родным. По законам и традициям США такое сообщество имеет право на самоуправление, свою школу, детские сады, церковь. Они вправе требовать русскоговорящих учителей, квоты на рабочие места, льготные ссуды на строительство, льготного кредитования корпоративного бизнеса, места в выборных органах власти. Нужна малость, эмигранты должны объединиться. Эмигрантская держава учитывает эти тонкости, и в анкетах переписи звучало предложение узнать о соотечественниках и получить информацию от властей о том, как устроить жизнь диаспоры. Только русские независимо друг от друга ответили на эти вопросы «Нет!». Дело неслыханное для США, новость стала сенсацией, и несколько дней «русский феномен» горячо обсуждался в СМИ по всей стране. К русским семьям специально обратились власти, но эмигранты пояснили, что они приехали быть... американцами и полагают, что так они быстрее адаптируются.

Американцы были жутко разочарованы. Опыт державы переселенцев показал, что хорошие плоды дают лишь сплочённые сообщества, хранящие свои язык, традиции, веру прежней родины. Переселенцы, подобные русским, уже во втором поколении теряются в толпе, дети этих семей в значительной степени подвержены психическим расстройствам, отставанию в развитии, стрессам, девиантному поведению, самоубийствам. Не верить не было оснований, ибо в своё время русская эмигрантская среда в Финляндии переживала схожие беды. В итоге, заключили Эшли, авторитет русских и России в глазах местного населения резко упал.

Увы, чуть позже наша делегация предоставила новый повод для пренебрежения. В разгар спора между членами делегации по какому-то юридическому вопросу я высказал свое мнение. Внезапно повисла тишина, и дебатировавшие до то-

го уважаемые судьи, прокуроры, адвокаты и юрисконсульты сообщая возмутились тем, что «менты подают голос». Американцы были в тихом ужасе, ибо, во-первых, немислимо в присутствии иностранцев оскорбить соотечественника, во-вторых, в их правовой системе полиция тоже хоть и находится внизу, но является её неотъемлемым элементом, от повседневной работы которой, собственно, зависят и прокуратура, и суд, которые не могут не считаться с мнением полицейского. Извинений от земляков не последовало, а ржа поступка убавила симпатий к русским в глазах американцев.

Перед отъездом американцы организовали для нас проводы, совпавшие по времени с матчем местной сборной по американскому футболу с гостями из Алабамы. Наша делегация, отдыхавшая на балконе дома Калишманов, была закидана яйцами и бутылками местной молодёжью. Ссылки на «пьяную выходку» молодёжи мы приняли, но, судя по крикам хулиганов, поступок молодчиков спровоцировала услышанная ими русская речь.

В США увидел я уникальные отношения человека к религии. Никто в Америке не делает ничего без молитвы. Обязательный атрибут всех отелей – Holly Bible, Священное Писание, в прикроватных тумбочках. Разобраться, кто в Америке католик, протестант, евангелист, адвентист, баптист и пр., не в силах, по-моему, и религиовед. Едва ли не каждый проповедник, каждый приход трактует христианское учение по-своему. Но, поразительно, приступая к делу, американцы, невзирая на догматические различия, вместе молятся, а в некоторых коллективах есть что-то вроде штатных священников. Проникновенны молитвы полицейского спецназа перед задержанием вооружённого наркодилера или пожарных перед выездом на вызов, свидетелем которых мне посчастливилось стать в США. Все равны перед Небом, объясняют американцы, может, поэтому им и помогает Бог?..

Примечание

¹ Российские законы допускают подобные досмотры только сотрудниками правоохранительных органов одного пола с досматриваемым и, конечно же, без какой бы то ни было публичности.

² «Prisoner of War» – узник войны, официальный термин для военнопленных в США.

³ В армии США воинскую честь в виде прикладывания руки к голове допускается отдавать

без головного убора военнослужащими и ветеранами, т.е. уволенными в запас (кроме ВМФ). По российским воинским уставам честь отдаётся только действующими военнослужащими в форменной одежде при надетом головном уборе.

⁴ Оплата американских адвокатов почасовая, с момента назначенного времени встречи до фактического расставания с клиентом.

⁵ Аналог российского: «Встать, суд идёт».

⁶ Кража со взломом, традиционно тяжкое преступление в англо-саксонской системе права.

⁷ 1 сухопутная миля = 1652 м. Практичные американцы упрощают расчёт до 1500 м.

⁸ С. Richard Parker, Public Defender, 35 N. Main Street P.O. Box 2820 Gainesville, FL 32602

⁹ Ко всему повествованию о защитниках уместнее всего будет привести мнение выдающегося российского юриста А.Ф.Кони: «Защита есть общественное служение, говорят одни. Уголовный защитник... вооруженный знанием и глубокой честностью, умеренный в приёмах, бескорыстный в материальном отношении, независимый в убеждениях, стойкий в своей солидарности с товарищами... Он не слуга своего клиента и не пособник ему в стремлении уйти от заслуженной кары правосудия. Он друг, он советник человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен вовсе или вовсе не так и не в том виновен, как в чём его обвиняют. Не будучи слугой клиента, он, однако, в своём общественном служении – слуга государства и может быть назначен на защиту такого обвиняемого, в помощь которому по собственному желанию он бы не пришёл».

¹⁰ На Западе криминалистика не имеет статуса самостоятельной научной дисциплины и является разделом социологии.

¹¹ Senior Judge – дословно «главный, старший судья», в отличие от российской системы, имеет полномочия обычного судьи, отличается представительскими функциями, председательствует на собраниях судей. Он «старший» среди равных. И не он распределяет дела судьям, за него это делает компьютер.

¹² Вид наказания. По содержанию это смесь исправработ, отдачи на поруки под залог или рекомендацию и выполнения иных установленных судом обязательств (излечение, обучение, ограничение посещать значные места и пр.).

¹³ Сумасшедший, безумный (англ.)

¹⁴ Американский футбол – скорее разновидность регби, весьма жестокая игра, допускающая в борьбе за мяч фактически групповое избиение игроков команды противника, не имеет ничего общего с европейским футболом, который называется в Америке spooker.

□

Вадим Валерьевич ИЗМАЙЛОВ

родился в 1972 г. в Пятигорске.

Окончил военное училище, Санкт-Петербургский университет МВД России.

С 1999 г. проходит службу в правоохранительных органах в подразделениях по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

В настоящее время – заместитель начальника Управления – начальник отдела Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Карелия, полковник полиции.

Преподаёт на кафедре уголовно-правовых дисциплин Северного института Всероссийского государственного юридического университета (РПА Минюста РФ),

автор более 15 научных статей в области криминологии.

В журнале «Север» публикуется с 1998 года.

